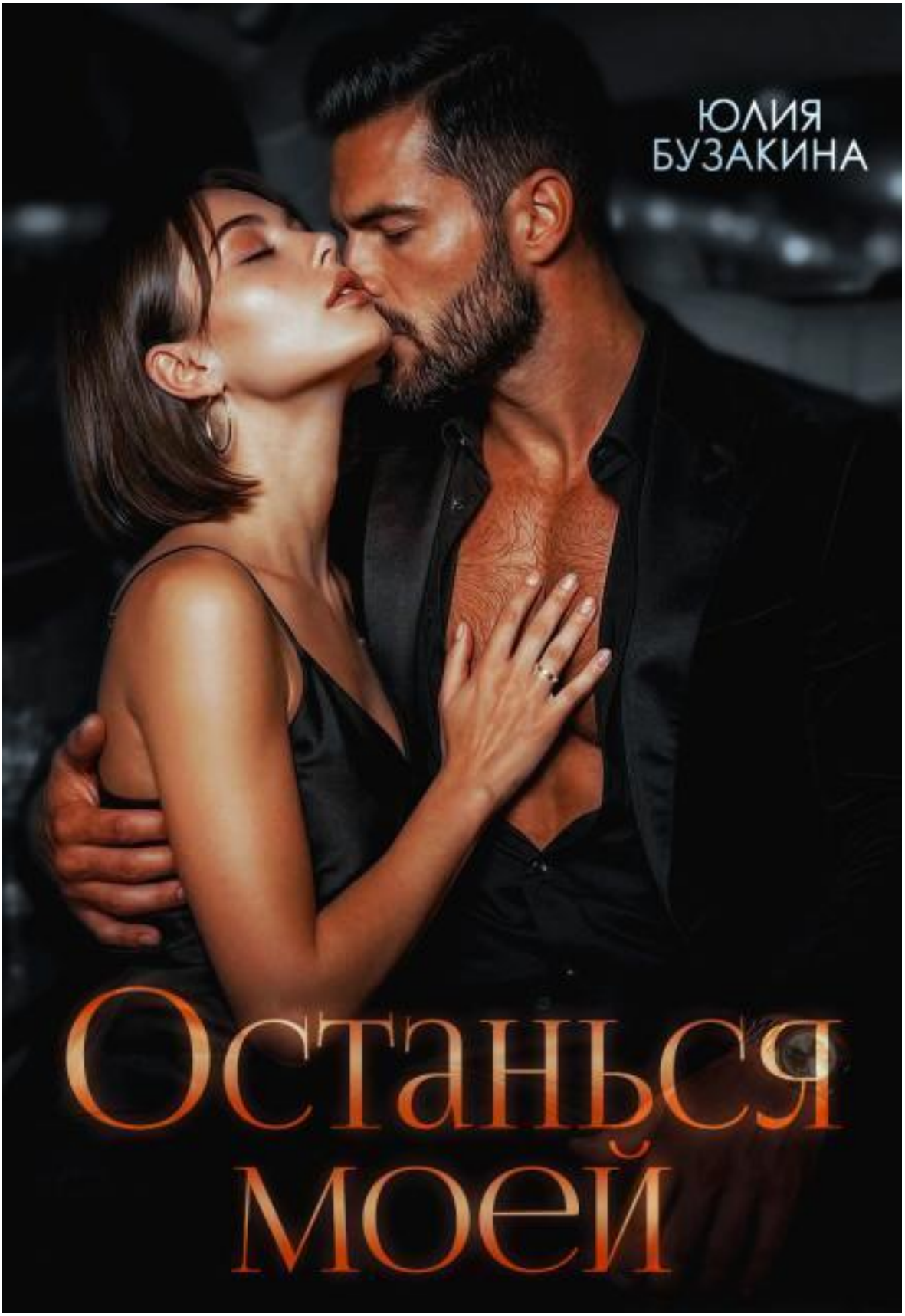

ЮЛИЯ
БУЗАКИНА
Останься
моей

Юлия Бузакина

Останься моей

«Литнет»
2026

Бузакина Ю.

Останься моей / Ю. Бузакина — «Литнет», 2026

— Говорят, у Левона Абрамяна есть помощница. Красавица – глаз не отвести, — следователь Молчанов мечтательно вздыхает. Я приподнимаю ворот черного пиджака. — Тебе-то что с этого, Максим? — уточняю едко. — Тьфу ты, да ничего, Саша! Просто интересно, правду говорят, или нет. — Лично мне фиолетово, — цежу раздраженно и сканирую взглядом входную дверь бизнес-центра. Там бойцы СОБРа под прицелом выводят верхушку «Перспективы».Четверо мужчин в деловых костюмах, заведя руки за голову, ошалело озираются по сторонам. Последней из помещения выходит женщина. Молчанов с завистью присвистывает. — О-о, вот это я понимаю, помощница, — произносит восхищенно. А я каменею. Ведь не узнать ее невозможно – бывших жен не бывает. — Закрывайте, — чеканю жестко, а сердце летит в глубокую пропасть.В книге есть: настоящий мужчина, решительная героиня с характером, встреча после развода, любовь и страсть, которые не угасли❤#Чтец аудио версии книги Ольга КуликоваПримечание: это история Александра Соколовского из романа "Ночь с адвокатом". Читается, как отдельный роман.

© Бузакина Ю., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Наташа 5
Глава 2. Прокурор 9
Глава 3. Прокурор 11
Глава 4. Наташа 14
Глава 5. Наташа 17
Глава 6. Наташа 20
Глава 7. Прокурор 22
Глава 8. Наташа 25
Глава 9. Наташа 29
Глава 10. Наташа 32
Глава 11. Наташа 34
Глава 12. Прокурор 36
Глава 13. Прокурор 39
Глава 14. Прокурор 42
Глава 15. Прокурор 45
Глава 16. Прокурор 47
Глава 17. Прокурор 49
Глава 18. Прокурор 51
Глава 19. Прокурор 53
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Глава 1. Наташа

Глава 1. Наташа

— На прошлой неделе наш город получил нового прокурора. И вчера в гостях у студии побывал обаятельный Александр Дмитриевич Соколовский, — озвучивает новость диктор. — Софья Грановская не упустила возможность взять у него интервью.

Я отодвигаю ноутбук в сторону. Впиваюсь жадным взглядом в экран. Я не видела Соколовского восемь лет, и мое сердце отчаянно желает оживить любимый образ.

Новый прокурор красив и суров, и ему идет новый костюм. Он из тех мужчин, что надолго западают в душу. Таких, как он, потом еще долго вспоминаешь по дороге домой, мечтая о новой встрече.

Амбициозная теледива Софья Грановская с улыбкой представляет его общественности. Она довольно известна, но, кажется, и она потеряла голову от Соколовского.

«Надо же, восемь лет прошло, а он почти не изменился», — летит болезненная мысль.

Что-то колет в груди.

«Уже ничего не исправить, правда, Наташ?» — горько усмехаюсь про себя.

«Не исправить», — киваю согласно, а сердце рвется в клочья.

— Мам, — подает голос из кухни сын. — Мам, твой кофе! Он опять сбежал!

— Ой…

Оставив бывшего мужа на растерзание красавице Грановской, я бегу к плите. Но кофе не спасти. Он выплеснулся из турки и расползся по белоснежной плите, намекая на то, что мне придется заняться уборкой.

Ванечка с укоризной качает головой, а потом утыкается в учебник по математике и продолжает старательно выводить цифры в тетради.

— Мама, а кто такой прокурор? — закусив на миг кончик шариковой ручки, интересуется внезапно.

Я пожимаю плечами.

— Прокурор — это важный человек. Он стоит на страже закона, — поясняю неохотно.

— Ух, ты, — Ванечка улыбается. — Когда вырасту, тоже стану прокурором, — сообщает уверенно.

— Может, лучше психологом? — предлагаю робко.

— Не-е-е, прокурором, — безапелляционно отрезает сын. — Миром правит закон, мамочка.

Я вздыхаю и быстро убираю пятна расплескавшегося кофе с плиты.

— У меня сегодня важное мероприятие – день рождения у босса. Так что рано меня не жди, хорошо? — предупреждаю Ваню.

Он настороженно смотрит на меня.

— Ты не заберешь меня из школы?

— Заберу. Я заеду за тобой в школу и подброшу к бабушке в психологический центр. Потом тетя Нина привезет тебя домой.

— Может, не надо к бабушке? — недовольно пыхтит Ваня. — Она будет допрашивать меня про оценки и заставит делать уроки!

Я примирительно вздыхаю. Что поделать? У нас с сестрой Ниной властная мама. Она доктор психологических наук и руководит большим психологическим центром. Нина работает у нее одним из штатных психологов-консультантов. В прошлом месяце моя сестра ушла от мужа, и теперь временно живет у меня. Я вроде как от семьи сепарировалась. Работаю в «Перспективе» на должности личной помощницы генерального директора Левона Тиграновича Абрамяна.

— А у твоего босса будет торт? — спрашивает Ванечка.

Я киваю.

— А как же иначе? Целых три яруса сплошного шоколада. Мы с коллегами постарались организовать день рождения босса по высшему разряду. Иначе тебе не видать новых кроссовок и рюкзака. Ты же хочешь обновки на лето?

— Хочу, мам. А еще я хочу, чтобы мы с тобой поехали на море.

Я улыбаюсь.

— В июле у меня отпуск, обязательно поедем.

Ванечка мечтательно вздыхает.

— Скорее бы каникулы.

— Осталось совсем чуть-чуть, — я треплю его по черным, как смоль, волосам, крепко целую в щечку, а потом стремительно покидаю кухню.

«Главное, приехать в офис раньше Левона Тиграновича», — закинув Ваню в школу, волнуюсь в машине по дороге в офис. Мы с коллегами устраиваем боссу сюрприз – с воздушными шарами и огромным трехъярусным тортом на заказ. Все это добро надо принять и разместить до того, как он появится в офисе.

«Хм. А Саша, значит, у нас теперь прокурор», — почему-то рвется в реальность мое прошлое. Оно рвется, не спросив разрешения, и я хмурюсь. Сигналю застрявшему передо мной автомобилю. Мне не нравится, что Соколовский меня цепляет восемь лет спустя. Хотя, чему я удивляюсь, если поплыла даже популярная теледива Грановская?

Глава 2. Прокурор

Два бронированных внедорожника плавно притормаживают у современного бизнес-центра.

Вся моя жизнь проходит в борьбе с преступностью.

«Пока новый прокурор Александр Соколовский координирует отделы по борьбе с организованной преступностью, город может спокойно дышать», — с восторгом заявила популярная телеведущая Софья Грановская в своем интервью прошлым вечером. С ней сложно спорить.

Светофор мигает зеленым, и несколько вооруженных бойцов в масках и бронежилетах устремляются к логотипу в форме эллипса, что гордо возвышается над входом.

Звонко хрустит отсыпанный накануне гравий под крепкими подошвами берцев.

Распахнув двери бизнес-центра, отряд рвется вперед, в кабинет генерального директора «Перспективы» Левона Абрамяна.

Процветающий бизнесмен Левон Абрамян под прицелом спецслужб уже давно. Он отмывает средства в обход налогов, выводит их заграницу, но его вместе с финансовым директором никак не удается поймать за руку – на Абрамяна работает отличная команда профессионалов. А еще, Левон Абрамян – очень красивый мужчина. Голубые глаза в сочетании с кавказской кровью и отточенная в элитных фитнес-центрах фигура не оставляют ни одну женщину равнодушной.

В общем, Левон набил оскомину всем. Понятно, что его надо закрывать, но как закроешь, если у него родственные связи в администрации округа? Здесь только ждать, когда его скинут свои же. Судя по утреннему приказу сверху, момент настал.

— Эх, хорошо идем, — встав рядом со мной, подмечает мой друг и соратник майор Молчанов. Он из отдела по борьбе с экономической преступностью. На самом деле это задержание по его душу, но, когда сверху поступает команда: «Фас», без моих бывших орлов никуда.

— Смотри, не сглазь, — ворчу недовольно.

— Говорят, у Левончика есть помощница. Красавица – глаз не отвести, — пропустив мимо ушей мое предупреждение, мечтательно вздыхает Молчанов. — Но гордая – жуть! Самого Абрамяна за нос водит, а близко не подпускает.

Я стреляю в него пронзительным взглядом.

— Тебе-то что?

Молчанов с досадой сплевывает на влажную после утреннего дождя землю.

— Тьфу, Саша, да ничего! Просто интересно взглянуть, правду говорят, или врут. Ну, мы ведь тоже люди. Ничто человеческое нам не чуждо. А тут – Абрамяна обломала какая-то баба!

— Лично мне чуждо все, кроме закона, — отвечаю холодно.

Зябко поёжившись, приподнимаю воротник черного пиджака. Конец мая, дожди и не думают отступать, а черная водолазка из шерсти ни черта не греет. Да и старое ранение дает о себе знать – ноет так, как будто стреляли в меня вчера. А стреляли восемь лет назад.

На самом деле мне глубоко фиолетово, что за зазноба у генерального директора «Перспективы». Восемь лет назад я получил серьезное ранение в грудь, а следом печать о разводе в паспорте. С тех пор на личной жизни я поставил крест. А ведь до ранения все было по-другому. Трава была зеленее, и мир казался добрее. Восемь лет назад я был капитаном, а она только поступила на работу в психологическую службу в наш оперативный отдел. Любовь у нас была. Настоящая. А потом что-то пошло не так.

При воспоминании о бывшей жене Наталье я инстинктивно начинаю скрежетать зубами. Место старого ранения ноет все сильнее, и уже не только от холода. Адская боль потери почти угасла, но иногда она оживает и с размаху дает пощечину, заставляя страдать.

Странно, что я сейчас вспомнил Наталью. Впрочем, какая разница? Там сплошной пепел. Камня на камне не оставил в моей душе тот развод. Сейчас, восемь лет спустя, я почти смирился. Я даже научился любить одиночество. Наташа почти не снится мне по ночам.

— Поговаривают, что новая помощница Абрамяна – в прошлом психолог-криминалист, — продолжает травить мне душу Молчанов.

Я морщусь. Нет, не к добру сегодняшний дождь. И старое ранение ноет тоже не к добру.

Одного за другим выводят под конвоем верхушку «Перспективы». Четверо мужчин в стильных деловых костюмах, заведя руки за голову, ошалело озираются по сторонам, совершенно не понимая, какого черта происходит в разгар празднования дня рождения генерального директора Левона Абрамяна. Сам Левон стреляет по сторонам пронзительным взглядом потрясающих голубых глаз и молчит. Я знаю, почему Левон молчит. Потому что умный. Без своры своих прикормленных адвокатов слова не скажет.

Последней из помещения выводят женщину.

— О-о, вот это я понимаю, зазноба, — с завистью присвистывает Молчанов.

А я каменею. Ведь не узнать ее невозможно – таких не забывают. Да и бывших жен не бывает.

Глава 3. Прокурор

Сцепив зубы, я жадно разглядываю бывшую жену.

За эти годы Наташа изменилась. Стала другой. Повзрослела, похорошела. Сидящий с иголочки черный брючный костюм идеально подчеркивает ее фигуру. Белая шелковая блузка с яркими цветами создает контраст и подчеркивает цвет зеленых глаз. Темные волосы, подстриженные в удлиненное каре, только добавляют привлекательности.

Она выплывает из бизнес-центра королевской походкой, с легким недоумением рассматривая вооруженных мужчин в форме.

Наши взгляды встречаются. На ее красивых губах проступает едва заметная печать горького изумления.

А я лечу в глубокую пропасть.

— Закрывайте, — толкая Молчанова в бок, чеканю жестко.

— Что, и помощницу? — недоумевает он.

Я коротко киваю, а потом прячу лицо в воротник пиджака и поворачиваюсь к бывшей жене спиной.

Только сердце больно ноет. И никак не совладать с этой болью. Ведь от нее нет таблеток.

Хлопают железные двери автозака, скрывая задержанных от посторонних глаз.

— Ты эту Левоновскую зазнобу придержи, ладно, Максим? — подавшись вперед, к Молчанову, окончательно теряю привычную выдержку я. — Она будет возмущаться. Будет требовать адвоката. Не ведитесь, ясно? Я, как в суде освобожусь, сам за ней заеду.

— Да не вопрос, — согласно поправляет фуражку Молчанов. — Только не пойму, тебе это зачем?

— Это жена моя. Бывшая, — выдыхаю раздраженно. — Есть у меня к ней пара претензий личного характера.

А потом, засунув руки в карманы брюк, стремительно удаляюсь, оставив Молчанова переваривать мое признание в немом изумлении.

Дождь усиливается. Скрепит под ногами гравий, раздражая до чертиков мое опаленное нечаянной встречей сознание. Я ныряю на пассажирское сиденье черного бронированного автомобиля.

— Поехали, — приказываю сухо водителю.

Вместо шофера за рулем сидит Вася Коломейцев, наш лучший опер. Хотя, нет. Уже не наш. Я ведь теперь не с ними.

— Здравия желаю, — улыбается мне лукаво.

— А ты почему здесь, Вася? — недоумеваю я.

— Не смог удержаться. Подброшу вас до суда, товарищ прокурор. Я тоже участвую в судебном заседании.

Я усмехаюсь.

— Что ж, вези, если по шапке от нового начальства получить не боишься.

— Не до меня им сейчас, — отмахивается он.

Машина трогается с места и плавно вливается в поток автомобилей на дороге.

Вася посматривает на меня.

— Александр Дмитриевич, а я вас сегодня утром по телевизору видел. У вас интервью брала Грановская. Что за женщина! Я от нее плыву. Скажите, она вблизи такая же привлекательная, как на экране?

— Женщина, как женщина. Ничего особенного, — отвечаю безразлично.

Нас обгоняет автозак, в котором везут задержанных сотрудников «Перспективы».

Я закусываю щеку и пялюсь в серые пейзажи за окном служебной машины.

Перед глазами мелькают события восьмилетней давности.

…Мы работали с организованной преступной группировкой, державшей в страхе всю область. Меня подстрелили, а Наташа молча ушла. Пока я валялся в реанимации, она уволилась и подала на развод. Вот такая, сука, любовь у нас была. Настоящая.

Надо же, попалась птичка к нам в клетку столько лет спустя. И надо бы отпустить свое прошлое, а я не могу. Я хочу задать ей вопрос, который мучает меня по ночам. Я хочу знать, что разбило наш брак. Я хочу избавиться от горького пепла предательства, который отравляет мою жизнь уже много лет.

Служебная машина притормаживает возле здания городского суда. Дождь льет сплошной серой стеной, не думает заканчиваться. Вот тебе и май.

— Приехали, — торжественно объявляет Коломейцев и первым выбирается из машины. Просканировав опытным взглядом окружающее пространство, он открывает мне заднюю дверцу и тут же раскрывает черный зонт.

— Брось, ну, что мы, как бабы, под зонтом? — рассерженно фыркаю я.

— Так положено, товарищ прокурор, — грозно впивается в зонт Коломейцев. — Все должно быть красиво. Я в кино видел.

Я морщусь. Нашелся ценитель прекрасного!

Смотрю на часы. До начала заседания еще пятнадцать минут.

Под навесом на ступенях стоит молодая женщина. Ее волосы собраны в строгую прическу. Деловой костюм нежно-голубого цвета безнадежно испорчен гадкой погодой, но во взгляде серо-голубых глаз пылает уверенность в собственной привлекательности.

Я узнаю вчерашнюю теледиву, что брала у меня интервью. Кажется, ее псевдоним Софья Грановская. Она возится со своим оператором, который пытается спасти от дождя камеру.

Коломейцев открывает мне тяжелую дубовую дверь, пропуская в холл.

— Александр Дмитриевич, здравствуйте! — в глазах теледивы вспыхивает неподдельный восторг.

Я сдержанно киваю и устремляюсь вперед.

В холле, несмотря на непогоду, весьма оживленно. Судебное заседание вот-вот начнется. Кто-то из коллег здоровается со мной за руку. Я отвечаю. Обычный процесс. Правда, сегодня он приправлен горьким пеплом внезапно всплывшего прошлого.

— Надо же, запала, — тихо усмехается Коломейцев.

Я непонимающе смотрю на него.

— Кто запал? На кого?

— Теледива на вас запала, Александр Дмитриевич.

— Ерунды не говори, — отмахиваюсь я.

— Говорю вам, запала она на вас! Она специально задержалась. Сделала вид, что возится с оператором, а сама просто поджидала, когда вы появитесь.

— Александр Дмитриевич! — раздается за нашими спинами нежный женский голос.

Я оборачиваюсь. Софья робко посматривает на меня. Сейчас, в холле, ее глаза кажутся еще выразительнее. Она выглядит хрупкой и беззащитной. Несомненно, теледива из тех женщин, которые умеют пользоваться своей истинной сутью.

— У вас не найдется свободной минутки? Я готова поступиться своими принципами, и сама приглашаю вас на чашку кофе.

— Нет, — обрубаю ее раздраженно.

— Ч-что? — Она заикается. В ее серо-голубых глазах плещется недоумение.

Я не хочу ничего объяснять, но на нас смотрят любопытные фанаты Софьи, и мне приходится смягчить тон. Она ведь не виновата в том, что я сухарь. Всем здесь известно, кто она такая. Мой публичный отказ может повредить ее репутации.

— Софья, у меня нет времени на чашку кофе. Прошу меня извинить, — пытаюсь смягчить свой отказ. — Давайте как-нибудь в другой раз, ладно?

В ее глазах вспыхивает надежда.

Я ей подмигиваю и устремляюсь вперед. Зал заседания уже открыт, и мне необходимо занять свое место. Без государственного обвинителя заседание не начнется.

— Александр Дмитриевич, вы отказали самой Грановской, — догоняя меня, шепотом возмущается Коломейцев.

Я усмехаюсь.

— Никакая она не Грановская. Это псевдоним. На самом деле ее зовут Света Барсукова.

Коломейцев смотрит на меня немигающим взглядом. Кажется, я только что разбил его самую красивую фантазию.

А в телефоне уже мерцает возмущением сообщение от Молчанова.

«Саша, зазноба Левончика требует адвоката. Утверждает, что делать кофе для босса никакое не преступление, и что ее задержали по ошибке»

Я быстро печатаю ответ.

«Никаких адвокатов. Я ее сам заберу»

«Ты не понимаешь! Она слишком шумная. Сказала, что сейчас начнет громко петь и не заткнется, пока ее не отпустят. У нее, видите, ли сын остался без присмотра».

Сын… что-то царапает. Бьет наотмашь, заставляя вздрогнуть от боли. Значит, Наташа успела обзавестись ребенком? Интересно, кто отец? Может, Левон Абрамян?

Кажется, меня сейчас разорвет от дикой, необузданной ревности.

Я понимаю, что это неправильно. Молодая женщина имеет право завести ребенка от кого угодно. Но я ничего не могу с собой поделать.

Мне хочется выть, потому что мое прошлое сидит у меня в печенках.

Я мечтаю разрубить этот чертов узел. Я жажду избавиться от боли, которая много лет преследует меня по пятам. Я хочу, как последний болван, восторгаться Светой Барсуковой, которая придумала себе красивый псевдоним, а не стонать по ночам от диких кошмаров.

Увы, я обречен страдать. А значит, Наташа будет петь, пока не охрипнет. Ее никуда не отпустят.

«Пусть поет, сколько душе угодно. Посмотрим, как скоро она сорвет голос», — печатаю быстрый ответ. — «До моего возвращения оставьте ее за решеткой».

Глава 4. Наташа

Громко хлопает железная дверь.

Вздрогнув от грохота, как от пощечины, я прислоняюсь к стене.

Вот это я попала. Как случилось, что мой бывший муж снова оказался так близко? Так опасно близко?

Меня накрывает паникой. «Бежать! Бежать! Бежать!» - бьет в голову набатом.

Чтобы хоть немного успокоиться, я обхватываю плечи руками.

Не верю, что он меня не узнал. Отвернулся, так подчеркнуто и презрительно! Впрочем, чего я жду от Соколовского? Борьба с преступностью – его жизнь. Когда-то я была его соратником, а сейчас по другую сторону баррикад.

Может, я бы и не ушла от него, но…

Восемь лет назад Сашу подстрелили на моих глазах.

Я помню тот миг так ярко, как будто это случилось вчера.

Соколовский как раз садился в служебную машину прокурора возле здания городской прокуратуры.

Поворот головы. Удивленный взгляд.

«Натуль? Ты почему здесь?»

Его слова до сих пор стоят у меня в ушах.

А в следующий миг несколько выстрелов снайпера из здания напротив прокуратуры уложили моего мужа и прокурора Седова на асфальт.

Я зябко поёживаюсь. Потираю плечи руками. Надо же, восемь лет прошло, а я до сих пор дрожу.

Как страшно терять самых дорогих…

Седов погиб на месте, а Саша попал в реанимацию.

Я, как верная собачонка, сидела под дверью рядом с реанимацией, куда пускали только персонал.

Врачи не давали никаких прогнозов. Работал профессионал, из тех, что не оставляют следов и всегда выполняют заказ. От мгновенной смерти Сашу спасло только то, что он увидел меня и чуть отклонился мне навстречу.

«Ждите»

«Никаких прогнозов»

«Случай довольно серьезный»

Сначала я рыдала. А потом, будто застыла. Окаменела. Молилась только об одном – чтобы Саша выжил.

В больницу приехала моя мама. Мы с ней никогда не ладили. Сколько себя помню, я всегда старалась быть от нее подальше. То, что я поступила на работу в МВД, а не в ее психологический центр, образовало между нами непреодолимую пропасть. Да и Саша в роли зятя ее, мягко говоря, не устраивал. А тут она вдруг приехала.

Мама просидела рядом со мной всю ночь. Она не предъявляла мне претензий. Она просто молча сидела рядом. За это я ей благодарна до сих пор.

Утром оперировавший хирург сообщил нам, что Саша выжил. А вот я в ту ночь сломалась.

«Давай я отвезу тебя домой?» — осторожно предложила мама.

«Отвези меня к мировому судье. Я хочу подать на развод»

«Что?.. Наташа, ты… ты в своем уме? Человек едва не отправился на тот свет, а ты его хочешь бросить?»

«Я хочу развод»

Перед глазами – красная пелена. В голове одно: «Бежать, бежать, бежать!»

Воспоминания бьют в голову набатом. Меня лихорадит. Пытаюсь унять дрожь в теле, но ничего не выходит.

Мое спонтанное решение подать на развод в одностороннем порядке поразило даже маму.

Она несколько раз пыталась обсудить со мной это решение, называла его опрометчивым, но каждый раз натыкалась на глухую стену.

Я металась, как дикая птица в клетке. В голове одно: «Бежать, бежать, бежать!»

В течение суток я подала рапорт об увольнении, а потом собрала вещи и улетела к подруге в Москву.

Саша никогда не звонил. Он не интересовался, почему я внезапно исчезла. Соколовский не прощает предателей.

Обхватываю голову руками. Дурацкие воспоминания! Кажется, они сейчас расколют мой череп на несколько частей… Надо же было попасться вместе с Абрамяном в клетку к бывшему мужу!

«Бежать! Бежать! Бежать! Куда угодно, подальше от Соколовского…»

Не в силах совладать с паникой, я бросаюсь к решетке.

— Эй! — кричу громко в спину дежурному. — Я требую адвоката! Немедленно!

Он пронизывает меня ироничным взглядом.

— Мы не в Европе, — фыркает едко. — У нас тут адвокатов направо и налево не раздают. Ждите следователя Молчанова. Он вас допросит.

Хлопнув ладонями по решетке, я с размаху плюхаюсь на узкую лавку.

Проходит час, и в коридоре показывается следователь. Тот самый, что участвовал в бардаке у бизнес-центра. Назвать по-другому операцию полицейских у меня не поворачивается язык.

«Да неужели соизволил явиться?!» — взрывается возмущением мой мозг.

Я кидаюсь к решетке.

— Товарищ следователь! За что меня задержали? Я требую, чтобы вы немедленно меня отпустили!

Следователь как-то странно меня рассматривает и почему-то молчит. Его молчание для меня – как красная тряпка для быка. Я распаляюсь.

— Разве делать кофе для босса – преступление?! Я требую, чтобы меня немедленно отпустили! Мне сына надо из школы забрать. Вы меня слышите?! У меня ребенок в первом классе! Он сам домой не доберется! Или, может, вы сами хотите прокатиться за ним до школы?

Молчанов тяжко вздыхает.

— Ожидайте, — отмахивается неопределенно.

— Что?! Это… это неслыханно! Я вас час на лавке прождала! Вы нарушаете мои права!

Дежурный закатывает глаза.

— Уймитесь, дамочка.

— Ах, вот вы как?! Я сейчас уймусь! Я… я петь буду! Громко!

Следователь Молчанов странно потирает подбородок, а потом удаляется в самый дальний кабинет.

Кажется, своим нестандартным мышлением я сломала ему мозг.

Набрав в легкие побольше воздуха, я начинаю завывать:

— Соююююз нерушиииимый республиииик свободных.

Дежурный вздрагивает.

Есть у меня один ужасный недостаток – я петь не умею. Когда пою, пролетающие мимо мошки дохнут, а те, у кого есть слух, разбегаются по сторонам.

— Эй, заткнись там! — проходящий мимо сотрудник полиции грозно бьет по решетке рукой.

— Ага, щас… Сплотиииила навеееееки…

Дежурный морщится, как будто его заставили откусить кусок лимона.

— Я тебе рот скотчем заклею, — обещает, грозно посматривая в мою сторону.

Я ослепительно улыбаюсь.

— А я тебя по статье привлеку! По 116. Вот только выберусь отсюда – и сразу заявление напишу. Ой, мороз, мороооооз! Не мороооооозь меняяяяя!

Коридор пустеет. Даже дежурный куда-то исчезает.

Я опускаюсь обратно на узкую лавку. От отчаяния всхлипываю. А в голове вертится одно: только бы Ванечка догадался позвонить бабушке.

Глава 5. Наташа

Проходит час. Другой. За мной никто не приходит.

Я на грани отчаяния. Именно сегодня я обещала Ванечке, что заберу его из школы сама, а теперь у меня забрали мобильный телефон, и я даже не могу его предупредить, что не приеду.

Как объяснить бездушным следователям, что меня закрыли здесь по ошибке? Я не имею отношения к темным делам Левона Абрамяна. Я – его личный помощник, а не бухгалтер. Мое дело простое – сварить Левону Тиграновичу кофе и скоординировать его личные встречи с деловыми партнерами. А еще -устроить день рождения, который запомнится.

Я с досадой прикрываю глаза – этот день рождения мой босс запомнит навсегда. Как и тот трехъярусный торт, над которым мы с коллегами не дышали, а неуклюжие сотрудники СОРБа развалили в одно мгновение.

Я меряю шагами клетку.

В коридоре слышится разговор охраны.

— Сегодня уже допрашивать не станут. Скорее всего, допрос начнут завтра с утра.

«Как, завтра с утра?!» — пугаюсь я.

Паника накатывает темной волной, когда я понимаю, что меня не собираются сегодня допрашивать.

— Эй! — бросаюсь к тяжелой двери с решеткой. — Кто-нибудь!

Тарабаню по двери так отчаянно, что ломаю два ногтя. Красивому маникюру конец, но это не важно.

Охранники раздраженно посматривают в мою сторону.

— Девушка, вы до сортира уже два раза гуляли. Сколько можно?

— Где следователь? Я здесь по ошибке!

— П-ф-ф, вы все здесь по ошибке, милочка, — усмехается тот, что стоит ближе ко мне.

— Пожалуйста… Я ведь имею право на один звонок? Мне надо позвонить!

Он криво усмехается.

— Адвокату? Так я вам сразу скажу – свора прикормленных адвокатов Абрамяна уже занимается этим делом. Если им и на этот раз удастся выудить его из цепких лап правосудия, через пару дней вас выпустят.

— Мне нельзя пару дней! У меня ребенок остался в школе один! Я должна ему позвонить.

— Я спрошу у дежурного, когда следователь сможет вас принять. Но я бы на вашем месте не рассчитывал на удачу.

К горлу подкатывается колючий ком. Я сползаю по стене на лавку.

Сижу так довольно долго. Даже не знаю, как долго я нахожусь за решеткой. Здесь время превращается в густую стоячую смесь.

Где-то далеко слышатся шаги. Тяжелые и уверенные, они приближаются.

Почему-то я инстинктивно сжимаюсь. Интуиция яркой вспышкой заставляет узнать посетителя.

Тяжелая дверь открывается. Сомнений нет. На пороге стоит Соколовский.

— На выход, — цедит не глядя.

Я отступаю к стене. Смотрю на него недоверчиво. Чувствую себя, как запертая в клетке птица, которую внезапно решили выпустить на волю. И верю, и не верю, что вот-вот окажусь на свободе.

Соколовский приподнимает бровь.

— Останешься здесь?

Молча иду за ним следом. Почти бегу, потому что он идет слишком быстро.

Дежурный отдает мне мои личные вещи.

— Спасибо. Я могу ехать домой? — смотрю на него с надеждой.

Соколовский вдруг грубо сжимает мой локоть.

— Я тебя сам отвезу, — произносит жестко.

Взгляды встречаются. В его карих глазах, которые когда-то обжигали любовью, горит злой огонь, и я не решаюсь спорить.

Мне почему—то жутко страшно от того, что он повезет меня домой.

Оказавшись на свежем воздухе, я хватаюсь за мобильный телефон. Там целая дюжина пропущенных вызовов.

Дрожащей рукой набираю маму.

— Мам, Ваня… — от волнения язык отказывается слушаться.

Мама откликается немедленно:

— Наташа, ты в порядке? Тут такое… по телевизору показали, как тебя арестовали! Таня все поняла, сразу за Ванечкой поехала. Где ты, дочка? Мы места себе не находим!

— Я в порядке, мам. Меня арестовали по ошибке. Я скоро приеду.

— Мы еще в центре, Наташа. У нас тренинг. Ваня тоже здесь.

— Хорошо. Через полчаса буду.

Посматриваю на Соколовского. В его карих глазах сплошной холод, но так даже лучше.

Он открывает мне дверцу своего внедорожника. Взглядом приказывает сесть вперед.

Я не спорю. Забираюсь в машину и прижимаю к груди свою сумочку. Прикрываю глаза. Ощущаю, как потряхивает от того, что Саша снова рядом. Он так близко, что от волнения трудно дышать.

Он садится на водительское сиденье и подчеркнуто громко хлопает дверцей. Я вздрагиваю. Глаза против воли обжигают слезы. Снова и снова вижу те кадры, где он и прокурор Седов падают на асфальт рядом со служебной машиной.

— Ну, привет, Наташа, — язвительно произносит бывший муж. Скользит по мне оценивающим взглядом. — Давно не виделись, да?

Я молчу.

Он мрачнеет. Его задевает мое молчание.

Машина трогается с места и плавно плывет по проспекту. Я обхватываю плечи руками. Смотрю прямо перед собой. Почему-то мне очень холодно. Я дрожу так сильно, что стучат зубы.

Соколовский криво ухмыляется.

— Нечего сказать, да? Жаль.

Я прикрываю на миг глаза. Втягиваю грудью воздух, которого отчаянно не хватает.

Он сворачивает к небольшой кофейне.

— Выходи, — произносит угрюмо.

Я настораживаюсь.

— Зачем?

— Кофе выпьем. Заодно побеседуем.

— Кофе не обязателен.

— Я сегодня не обедал. Я злюсь, когда голодный.

— Может, просто отпустишь меня и все?

Он сканирует меня насмешливым взглядом, и я вжимаюсь в кресло.

— Нет, Наташа. Я восемь лет ждал этой минуты. Так что будь добра, отложи свои дела на полчаса.

Он выходит из машины. Открывает мне дверь, подчеркнуто галантно ждет, когда я выйду.

Меня потряхивает. В глаза ему не смотрю.

Просто плетусь за ним следом.

Он толкает стеклянную дверь, пропускает меня вперед.

В кофейне почти нет посетителей. Но здесь приятно пахнет кофе и играет джаз. Я прячу короткий вздох. Меня накрывает паникой. Мне хочется бежать без оглядки, но я не смею. От прокуроров не убегают.

Мы садимся за небольшой столик в глубине зала. Официант приносит меню.

— Мы торопимся. Можно нам два кофе, и сэндвичи? — делает заказ Соколовский.

— Мне «Американо», без сахара, — уточняю осторожно.

Официант кивает и исчезает за барной стойкой, чтобы выполнить заказ.

Мой телефон вибрирует вызовом, и я вздрагиваю. Смотрю на экран. Это Ванечка.

Соколовский впивается взглядом в экран, на котором высвечивается фото моего сына. «Ванечка».

Я замираю. Смотрю то на Соколовского, то на экран.

Саша откидывается в кресле назад.

— Ну, что ты, Наташа? Ответь. Ребенок волнуется, — произносит насмешливо.

Глава 6. Наташа

Мое сердце взрывается тысячей ударов в минуту. Я тянусь за телефоном. Рука противно дрожит.

— Мамочка! Мама! — взрывается детским голосом трубка. — С тобой все хорошо?!

На глаза наворачиваются слезы. Я сглатываю ком в горле.

— Да… да, Ванечка. Со мной все в порядке, не волнуйся. Я скоро приеду.

— Мама, скажи им, если тебя кто-то обидит, то я… я вырасту, стану прокурором и всех их посажу!

Я сверкаю напряженным взглядом в сторону Соколовского. Тот криво ухмыляется и отворачивается.

— Все хорошо, сыночек. Через час я за тобой приеду.

— Бабушка сказала, что сегодня мы все ночуем у нас! Она за тебя волнуется.

— Разберемся, — выдыхаю осторожно. Не знаю, что хуже – кофе-брейк с бывшим мужем или встревоженная мама-цербер с ночевкой у меня в квартире?

Желая поскорее завершить разговор, я жму на отбой и прячу телефон подальше в сумку.

Соколовский сканирует меня острым взглядом.

— Хороший мальчик. Готов защищать свою маму, — произносит ядовито.

Я не отвечаю.

От того, что Саша рядом, мой язык, будто примерз к нёбу. Ужас сковал все тело, и я не могу даже пошевелиться.

Официант приносит кофе и сэндвичи. Расставляет нехитрое угощение на столике и удаляется.

Соколовский берет сэндвич и с аппетитом его поглощает.

Я не двигаюсь.

— Угощайся, — подмигивает мне он.

— Я не ем, когда волнуюсь. Тебе об этом известно.

Он пожимает плечами.

— Прости, успел забыть.

Мы сидим молча пятнадцать минут. И кажется, что нам не о чем говорить - между нами пропасть длинной в восемь лет.

Я пытаюсь пить кофе маленькими глотками, но даже эти глотки застревают в горле.

Соколовский отодвигает пустую тарелку в сторону. Посматривает на меня исподлобья.

— Так почему ты подала на развод? — спрашивает спокойно.

Я верчу чашку на блюдце.

— Прости, не сложилось, — выдыхаю напряженно.

— Для «Прости» поздновато, не находишь?

— Никогда не поздно сказать самое важное.

— Да что ты? — с его губ срывается горький смешок.

— Просто отвези меня к маме в центр, ладно? — прошу потерянно.

Мне нехорошо от того, что он сейчас сидит напротив. Я не готова вот так внезапно впустить в свою жизнь прошлое, которое отчаянно пыталась стереть из памяти.

— Что ж, как скажешь, — отвечает он холодно.

Саша злится. Я это чувствую по резкому жесту, которым он подзывает официанта, чтобы оплатить счет.

Официант приносит терминал, и Соколовский оплачивает наш заказ картой.

Мы выходим на улицу. Он открывает мне дверь и пропускает вперед.

Я сажусь на сиденье. Перед глазами стоит пелена.

«Натуль? А ты почему здесь?»

Тихие, едва уловимые выстрелы снайпера. Прокурор Седов падает на асфальт. Саша тоже.

Соколовский молча садится за руль. Заводит машину, и она плавно трогается с места.

Мы едем молча. Я сверлю взглядом плывущие мимо городские пейзажи. Это самая невыносимая поездка в моей жизни. Мне давит на виски его властность и не хватает воздуха. А еще в душе кровавыми всполохами расползается глухая боль – как тогда, в больнице, под дверью реанимации.

Вот и мамин психологический центр «Доверие». В моей душе вспыхивает облегчение. Центр - остров спасения в темном океане моего прошлого.

Соколовский сворачивает на парковку. Я рвусь на свободу, но он жмет на замок, не давая мне открыть дверь.

Поворачивается ко мне. Сканирует острым, как лезвие ножа, взглядом.

— Так почему ты меня бросила, Наташа? — спрашивает снова. — Я хочу знать.

Я зажмуриваюсь.

— Я тебя разлюбила, — выдаю хрипловатый ответ.

Он дергается, как от пощечины, а потом резко подается вперед. Вжимает меня крепкими руками в сиденье. В его глазах ледяная ярость, и у меня под кожей расползается липкий страх.

Соколовский больно сжимает мои плечи. Я слышу его тяжелое дыхание.

— В глаза мне смотри, когда делаешь такие признания, — рычит в лицо.

— Да пошел ты! — хриплю в ответ.

Он вдруг подается вперед и касается губами моих губ.

Я замираю, а он обрушивается на меня властным поцелуем, заставляя издать беспомощный стон.

Его язык дерзко рвется мне в рот. Скользит, играет – и я сдаюсь против воли. Постепенно, вздох за вздохом, отдаюсь прикосновениям бывшего мужа. Его поцелуи такие, как раньше. Они, как горячая лава разбуженного вулкана. Мое тело тут же откликается на желанные и любимые губы. Между нами начинает оживать океан страстей. Медленно поднимают голову темные волны.

А потом перед глазами всплывает, как Саша вслед за прокурором Седовым падает на асфальт, и я прихожу в себя.

С силой отталкиваю от себя бывшего мужа.

— Ты свихнулся?! — шиплю разъяренно.

Открываю замок на дверце. Выпрыгиваю из машины на твердый асфальт. На миг оборачиваюсь.

Соколовский, не мигая, смотрит мне вслед. В его карих глазах пылает адская боль.

Эта боль настигает меня тяжелым бумерангом, и я прячусь за дверью психологического центра. В окно мне видно, как резко срывается с места его машина. Глаза обжигают слезы. Из груди рвется всхлип, и я зажимаю рот ладонью.

Глава 7. Прокурор

Я сжимаю руль так крепко, что белеют пальцы. Отъезжаю назад, а потом почему-то останавливаюсь. Несколько мгновений сижу, не шевелясь. Приглаживаю темные волосы. Приоткрываю окно, потому что мне нечем дышать. Пялюсь жадным взглядом в сторону больших панорамных окон психологического центра, в котором спряталась от меня Наташа.

«Я тебя разлюбила» - звенит в ушах ее ответ на вопрос, который мучил меня так много лет.

В лицо ударяет прохладный весенний воздух, и я невесело ухмыляюсь. Разлюбила, значит? Как же банально и просто. А я восемь лет живу на пепелище разбитых надежд.

Нет, я понимаю, у нее есть сын, а значит, она давно прошла тот этап наших отношений, на котором я намертво застрял с момента, когда очнулся в реанимации. Помню, как я хрипел. Как судорожно сжимал пальцы врача, пытаясь выговорить единственный важный вопрос: жива ли моя жена? А когда понял, что остался один, мой мир рухнул.

Продолжая пялиться на окна психологического центра, я откидываюсь назад в кресле. Воспоминания захлестывают тяжелыми волнами, душат, заставляют захлебываться в отчаянии, и я с ненавистью сминаю в руках пачку сигарет.

В панорамном окне мелькает знакомое женское лицо, и я угрюмо отвожу взгляд. Узнаю бывшую тещу. Варвара почти не изменилась. Все также горделиво посматривает по сторонам и раздает указания. Вот с кем бы я меньше всего на свете хотел еще раз пересечься, так это с ней. Манипуляторша, каких поискать. Ах, да, она красиво зовет это психологией.

Вслед за бывшей тещей в большом окне, как на сцене немого театра, появляется та, которую я много лет пытался забыть.

Сердце глухо ноет. Я на миг прикрываю глаза и тут же их открываю, с жадностью впиваясь в желанный образ.

К Наташе подбегает мальчик. Он что-то ей рассказывает, а она улыбается и с нежностью целует его в макушку.

Мое сердце летит в глубокую пропасть. А следом опаляет ревность. Дикая, безудержная. Я ревную не к мальчишке. Я ревную ее к тому мужчине, который подарил ей ненаглядного сына. Ведь это мог быть мой сын!

Воспоминания давят на грудь и мешают дышать. Я не видел ее восемь лет. Я поклялся себе, что больше никогда на нее не взгляну.

Но сейчас я с такой жадностью любуюсь ею, что хочется сдохнуть.

Никакие обещания не смогли выжечь из моего сердца эту женщину. Моя душа тянется к ней. Я до сих пор одержим бывшей женой.

Тяжело вздохнув, я набираю Молчанова.

— Привет, Саша, — слышу, как где-то там, за кадром, звенит чайная ложка о чашку. А значит, Молчанов собирается пить чай.

— Максим, — прошу глухо. — Зазнобу Левоновскую возьмите в разработку.

— Уже, — довольно протягивает он. — Взяли, взяли, не переживай. Шибко он о ней беспокоился сегодня. Видно, запала Левончику в душу его помощница.

Его слова режут мое сердце ножом, а потом выворачивают его наизнанку, заставляя скрежетать зубами.

— Слушай, а она что, правда, твоя бывшая жена? — продолжает болтать Молчанов.

— Правда, — отвечаю угрюмо. — Выясни, была ли она замужем, и кто отец ее ребенка.

— Ты смотри! Не уж то зазноба эта не только Левону голову задурила?

— Не шути со мной, Максим. Я не в настроении. Я хочу знать, чем она живет. Все, до самых мельчайших подробностей. С кем встречается, что предпочитает на завтрак, обед и ужин. В чем ложится спать, — цежу сквозь зубы.

— Коломейцев этим делом займется, — дуя на горячий чай, отвечает на мой запрос Молчанов. — А тебе, смотрю, скучно на прокурорской должности?

Я усмехаюсь.

— Есть немного. Не привык я в кабинетах да в судах штаны протирать. Я всегда рвусь в бой, на передовую. Вот где настоящая жизнь. А это… так. Для галочки.

— Да ладно тебе, Соколовский! Как говорится: стерпится, слюбится. А про бывшую жену завтра все выясню и тебе доложу.

— Спасибо, Максим. Сочтемся.

Я выключаю телефон и завожу машину. Несколько мгновений с тоской смотрю на окна психологического центра, а потом резко жму на газ.

Машина срывается с места и несется по широкой дороге к перекрестку.

Время на часах почти восемь. Я сворачиваю в супермаркет. Покупаю продукты и бутылку виски. Мне хочется залить мою боль. Получить облегчение хотя бы на миг.

В телефоне вспыхивает вызов от матери. Я хмурюсь. С тех пор, как она взяла на себя ремонт в моей новой квартире, от нее нет никакого спасения.

— Саша, ты когда будешь? — бодро интересуется она. — Я ребят отпустила. В холодильнике оставлю котлеты. Обязательно поужинай!

Я шумно вздыхаю.

— Мам, не стоит волноваться.

— Что значит, не стоит волноваться? У тебя в холодильнике мышь повесилась! Я его заполнила. Купила все, что нужно для здорового питания: свежие овощи, фрукты, мясо.

Я рассеянно рассматриваю этикетку на бутылке виски. Рука тянется за нарезкой в вакуумной упаковке.

— Мам, ты же знаешь – я не люблю твоей самодеятельности, — произношу устало.

— Саш, коробки со старой квартиры так и стоят нераспакованными. Ими вся гостиная заставлена! Давай я их разберу?

— Не трогай! Там старые документы, много всего нужного.

— Можно, я хотя бы одежду развешу? Хотя, куда ее развесить? У тебя вся мебель – это удобный стол и кресло для работы за ноутбуком.

Я морщусь. Нет, не стоило мне принимать помощь от матери. Теперь она сует нос во все, что плохо лежит.

— Не только стол и кресло, — поправляю ее. — Еще большой серый диван. А, да, домашний кинотеатр и игровая приставка прилагаются.

— Какой толк от дивана, если шкафа нет?

— Позже будет шкаф. На кухне ремонт не доделан, — обещаю матери, а сам хмурюсь. Я не знал, что ремонт – это нескончаемая проблема.

По утрам приходят рабочие. Они обещают закончить кухню к выходным, но я уже не верю, что это безобразие придет к своему логическому завершению.

— Саша, а что у тебя с голосом? Случилось что-то? — мама внезапно настораживается.

— Нет, мам. С чего ты взяла?

— Чувствую.

— Тебе показалось.

— Меня не проведешь, Саша! Я же мать. Я тебя всегда чувствую.

— Я уже большой мальчик. Справлюсь как-нибудь.

— Саш… мне кажется, я сегодня видела Нину.

— Какую Нину?

Она несколько мгновений молчит.

— Сестру твоей бывшей жены Натальи, — признается шепотом.

Я сжимаю в руке бутылку виски. Сговорились они сегодня, что ли?

— Тебе показалось, мама.

— Нет же! Я ее возле подъезда видела. С мальчиком. Она его в машину сажала. Милый мальчик, школьная форма, рюкзак. Бедные малыши! Как они эти огромные рюкзаки таскают в школу?

— Видела и видела. Я давно разведен. Меня не интересуют родственники бывшей жены. Поезжай домой. Уже поздно, — цежу сквозь зубы.

Напряжение зашкаливает. Кажется, еще миг, и бутылка крепкого напитка в моих руках разлетится на осколки.

— Ты мне не веришь, да? — звенит обида в ее голосе. — Что ж, уже уехала. До встречи! Завтра утром снова буду у тебя.

В трубке раздаются короткие гудки, а я бросаю в корзину пару упаковок с вредными закусками, банку крупных черных оливок и отправляюсь на кассу. Кажется, меня ждет тяжелый вечер.

Глава 8. Наташа

Пытаясь справиться с эмоциями, я врываюсь в холл маминого психологического центра. Несмотря на вечер, здесь много посетителей. В основном это женщины. Ничего удивительного – сегодня мама и Нина проводят женский тренинг. Судя по тому, что милые посетительницы гуляют по приемной зоне, сейчас перерыв.

Пространство психологического центра оформлено так, чтобы создать у клиента ощущение безопасности. Приемная зона, созданная в мягкой бежевой палитре, настраивает на доверие, а мягкий свет без резких бликов приятно ласкает глаз. Справа, в зоне рецепшен, стена увешана грамотами и сертификатами. Это место маминой гордости.

Слева раскинулась удобная зона ожидания: мягкие кресла и диван в натуральных оттенках в сочетании с приятными глазу картинами располагают к неторопливой беседе и погружению в себя.

У окна на небольшом столике есть кулер и особая любовь моей мамы – хорошая кофемашина.

В помещении, которое снимает мамин центр, имеются три небольших уютных аудитории, оснащенных всем необходимым для проведения тренингов – для работы на полу есть коврики, пледы и мягкие подушки, а одна из аудиторий отведена для работы за столом, который сейчас уставлен коробками с разноцветными карандашами и фломастерами. Ничего удивительного - недавно мама прошла курс повышения квалификации, а Нина получила сертификат по модному направлению «нейрографика», и отныне рисование – неотъемлемая часть работы с клиентами.

Заметив мое появление, администратор Инга спешит мне навстречу.

— Наташа, как ты? С тобой все в порядке? Сейчас позову Варвару Андреевну! Мы тут с ума сходим от беспокойства, — тараторит она. Тараторит Инга обычно взахлеб, слишком эмоционально, и я отшатываюсь.

— Где Ванечка? — обрываю поток бессмысленного набора ее слов.

— Так… вон там, в аудитории для нейрографики. Рисует. Ой, что творится!

Она поправляет бейджик на своей офисной блузке, отряхивает серую юбку и бежит в комнату, где проводится тренинг.

Я устремляюсь в кабинет, где проводится арттерапия.

Ванечка сидит за столом и увлеченно что-то рисует жирными маркерами.

Он оборачивается на звук открывающейся двери и его лицо расплывается в счастливой улыбке.

— Мама! Мамочка, ты вернулась!

Он срывается с места и бежит ко мне. Прижимается с искренней детской радостью. Я обнимаю его в ответ и почему-то на глаза наворачиваются слезы.

У меня такое чувство, что не я попала в эпицентр разборок между правоохранительными органами и моим боссом, а мой малыш оказался в опасности и я его едва не потеряла.

— Мам, ты что? Ты плачешь? — Ваня в недоумении.

— Я обещала тебя забрать, и не смогла. Я так волновалась!

— Да все же в порядке, мам! Меня забрала тетя Нина. Мы с ней съездили домой, она меня покормила. А потом, чтобы я не оставался дома один, она привезла меня сюда. У них с бабушкой тренинг сегодня до девяти вечера. Они там учатся правильно дышать и что—то друг другу рассказывают в круге доверия.

Я его почит не слушаю. Усыпаю поцелуями его личико, и вдруг замираю. Понимаю, что он похож на отца – уже оформляется тот же обаятельный взгляд, пусть не карих, а зеленых глаз, и также точно хмурятся темные брови.

Сердце сжимается. Почему я раньше не замечала, что Ванечка так похож на Сашу? Мне всегда казалось, что он больше мой. Цвет глаз точно мой. А тут встретила Соколовского и все сразу встало на свои места.

В дверях появляется мама.

— Ната! — выдыхает она. — Наконец-то…

Она торопится мне навстречу и крепко прижимает к себе.

Я торопею. Ей несвойственна сентиментальность в отношении меня, а тут такой порыв.

— Почему ты плачешь? С тобой грубо обращались?

— Нет, нет. Просто… я так боялась за Ванечку!

— Ванечка в полном порядке. У него есть сотовый телефон, и он всегда может позвонить мне или Нине. Ты доехала на такси?

Я отрицательно качаю головой.

— Нет, мам. Меня довез прокурор.

— Ничего себе! За что такая почесть? Ты познакомилась с ним поближе? Он женат? В твоем возрасте, знаешь ли, надо заводить полезные знакомства…

У меня пересыхает в горле.

— Мам, прокурор у нас теперь новый. Это мой бывший муж, — поясняю хрипловато.

Она бледнеет.

— Саша? Тебя довез Саша?!

— Да.

— Так, я все поняла. Сегодня мы с Ниной едем ночевать к тебе домой.

— Зачем?

— Это не обсуждается! Посидите с Ванечкой в зоне ожидания. Мы уже заканчиваем.

— Мама, не стоит беспокоиться. Я вызову такси…

— Ната! Я сказала: это не обсуждается. Об остальном поговорим позже. У меня есть прекрасная бутылка итальянского вина. Закажем пиццу.

— Ура, пицца! — подает голос Ванечка.

Моя мама ему подмигивает и исчезает в холле.

Оставив карандаши, сын тянет меня в зону ожидания.

— Пойдем, мама. Я сделаю для тебя кофе. Тетя Нина сказала, что для клиента, который переживает, необходимо сделать чай или кофе. Это часть процесса налаживания взаимного доверия. Я, конечно, не собираюсь становиться психологом, но думаю, эта информация работает в любом направлении.

— Где ты таких умных слов набрался, чудо мое? — оттирая мокрые щеки, усмехаюсь я.

— Как, где? Здесь, в бабушкином центре. Они все время говорят какие-то умные слова.

Я сажусь на мягкий диван. Ванечка возится возле кофемашины, которую он отлично выучил. Я слежу за его действиями, а у самой в глазах стоит недавняя встреча с прошлым. Я думала, что я все забыла. Но стоило мне увидеть Сашу, вдохнуть его запах, ощутить его поцелуи на своих губах, как меня бумерангом забросило в прошлое. Внутри душу травит странная тяжелая боль и дикий, неконтролируемый страх потерять Ванечку.

В холле показывается Нина. У нее в руках папка с какими-то распечатками для тренинга, а пальцы ее рук перепачканы черным маркером.

— Ната! — она устремляется ко мне. — Как ты? Мы все так испугались…

— Я нормально, — я неловко отмахиваюсь, а Ванечка уже сует мне кофе в бумажном стаканчике. — Я сильная и взрослая женщина. Подумаешь, попала в заварушку? Ну, с кем не бывает? Вы ведь сами говорите, что надо покидать зону комфорта?

Нина напряженно смотрит мне в глаза.

— Мама сказала, что ты виделась с Сашей. Это правда?

— Да. Правда.

— Ната, ты не хочешь с ним поговорить?

— О чем?

— О прошлом и о Ване.

— О Ване?! Зачем еще?

— Ну… Ладно, обсудим все вечером, когда Ванечка ляжет спать. Мама тоже едет к тебе. Ты счастлива?

Я вздыхаю. Нет, сегодня мне меньше всего на свете нужны гости. Я хочу побыть одна. Все, о чем я мечтаю – это оказаться под горячими струями душа и наконец выдохнуть. Но мама настроена слишком решительно, и мне непонятен ее настрой. Обычно после поздних тренингов она хочет домой.

— По дороге заберем Шильдика, — вынырнув из аудитории, предупреждает мама.

— Может, просто разъедемся? — предлагаю я.

— Нет. Сегодня мы с Ниной переночуем у тебя, — обрубает мою попытку избавиться от гостей мама.— Пока я буду собирать Шильдика, вы закажете пиццу. Пиццерия на углу моего дома.

…Домой нас везет Нина. Мы заказываем пиццу и долго ждем заказ, а потом в дверях пиццерии появляется мама со своим шпицем по кличке Шильдик.

— О, Шильдик! Ты едешь к нам в гости? — Ваня немедленно оживает. Тянет руки к собаке, а та радостно виляет хвостом и лижет его ладони. Он гладит ее по густой шерстке, а потом пытается взять на руки.

Администратор указывает нам на то, что заказ готов. Я забираю коробки с пиццей.

— Поехали, — приглашаю устало.

Похоже, бодрым себя ощущает только Ваня. Шильдик его вдохновляет на веселье.

…Когда мы заходим в квартиру, на часах почти десять вечера.

Мне не нравится, что Ваня отклонился от режима, но уже ничего нельзя сделать.

После пиццы моя мама быстро отправляет его в ванную комнату и в постель.

Пока мама занимает ванну, Нина орудует на кухне – открывает бутылку итальянского вина и достает из холодильника нарезку сыров и оливки.

Я устраиваюсь за столом и включаю телевизор.

— Сегодня в нашем городе прошла серия громких арестов руководства компании «Перспектива». Известный бизнесмен Левон Абрамян уже давно находился под прицелом у правоохранительных органов. С помощью команды профессионалов он незаконно выводил заработанные средства заграницу в обход налогов, — озвучивает новость диктор. — Наш корреспондент побывал на месте развития событий и поделился с нами информацией о происходящем.

— О, нет, — стону я. Но на экране неотвратимо мелькают кадры, на которых в двери бизнес-центра врывается отряд СОБРа, который красиво накрывает облавой приемную и кабинет моего босса.

Нина сует мне бокал вина. Я медленно отпиваю глоток.

Хочу отвести взгляд – и не могу. Там, на кадрах, мелькает профиль Соколовского.

— Постой… Там что, Саша?!

Нина в считанные мгновения оказывается перед телевизором. Хватает пульт и делает громче.

— Ну ничего себе! Новый прокурор Соколовский?! Ната! — сестра слишком эмоционально реагирует на моего бывшего мужа, и от этого мне становится еще хуже. — Боже, мама будет в шоке!

— Мама в курсе, — обрываю ее я. — Я сказала ей, что у Саши новая должность.

— Ясно. — Сестра продолжает пялиться в экран. — Ух, ты. Он почти не изменился. Все такой же красавчик. Интересно, он женат?

Ее фраза пронзает болью.

«Уже ничего не исправить, правда, Наташ?» — горько усмехаюсь про себя.

«Не исправить», — подавляю вздох, а сердце рвется в клочья.

— Ты что, даже не взглянешь на бывшего мужа? — не унимается Нина.

Я прячу взгляд.

— Нет, сестра. Я не хочу на него смотреть.

Я лгу. Отчаянно лгу. Я хочу на него смотреть, но я не могу позволить Нине заподозрить, что меня, как и ее, цепляет ситуация с внезапным возвращением Соколовского. Эта ситуация не просто цепляет. Она заполнила все мое сознание и грозится выйти из-под контроля.

Нина настороженно скользит по мне взглядом.

— Слушай, все давно в прошлом, ясно? — обрываю ее резко. Слишком резко.

А сама верчу бокал вина с такой яростью, что кажется, еще миг – и сдеру покрытие на столе.

— Ну… ладно, — Нина растеряна. — Я думала, тебе будет интересно на него посмотреть. Эх, была бы ты сейчас женой прокурора…

— Какой ценой?! — внезапно срываюсь я.

Крик получается таким громким, что сестра виновато отводит глаза.

Я подаюсь вперед.

— Какой ценой, Нина?! — повторяю вопрос. — Я видела, как его расстреляли! Ты знаешь, что это такое – когда на твоих глазах убивают мужа?! Когда ты смотришь, как он падает на тротуар, и ничего не можешь сделать, потому что его заказали профессионалу, который не промахивается?!

Сестра напряженно сглатывает.

— Ната, успокойся, пожалуйста. Я не хотела, — пытается найти оправдание своим словам.

— Ты спрашиваешь меня, не хочу ли я поговорить с ним о Ване?! — меня продолжает лихорадить. — Нет, я не хочу! Никому не надо знать о том, что Ваня – сын прокурора Соколовского! Иначе…

— Ты все еще его любишь? — тихо спрашивает сестра.

Я выпускаю бокал из рук. Сердце больно сжимается. Я пытаюсь взять себя в руки, спокойно рассуждать, но эмоций слишком много.

На кухне появляется мама.

— Девочки, что происходит? Наташа, ты в порядке?

— Нет, мам! Я не в порядке! Совсем не в порядке.

Я уже собираюсь покинуть кухню, как вдруг в моем почти разряженном телефоне вспыхивает вызов:

«ЛЕВОН»

Глава 9. Наташа

Звонок начальника пугает до дрожи. Несколько мгновений я смотрю на экран. Понимаю, что не ответить не имею права.

— Да, я слушаю? — произношу настороженно.

— Наталья, спустись, — в резком голосе Левона звучит приказ.

— Что?

— Спустись вниз. Я жду тебя в машине.

— Левон Тигранович, это обязательно? У меня был тяжелый день.

— Я в машине возле твоего подъезда. Выйди, это важно.

Я выглядываю в окно кухни. Внизу стоит дорогой черный автомобиль бизнес-класса. Сомнений нет – эта роскошная машина принадлежит моему боссу.

— Хорошо, одну минуту.

Я жму на «отбой» и отправляюсь в прихожую.

— Ната, куда ты? — выглядывает из кухни мама.

— Мне надо выйти. Там Левон Тигранович подъехал.

— Совсем с катушек слетела?! Этот твой Левон – уголовник! Зачем тебе к нему спускаться?

Я обуваюсь, накидываю куртку.

— Мам, прекрати! Я его личная помощница.

— И что с того? Ты не обязана пахать на него двадцать четыре часа в сутки! Я пойду с тобой!

— Нет. Я пойду одна. Это не обсуждается.

Я забираю ключи от квартиры и ускользаю на лестничную клетку до того, как мама продолжит причитать.

Ныряю в лифт. От напряжения меня потряхивает. Держу в руке мобильник. Так, на всякий случай. Потому что после сегодняшнего утра неизвестно, каких сюрпризов ждать от босса.

Лифт привозит меня на первый этаж. Я выхожу из подъезда. Осматриваюсь по сторонам. Роскошный автомобиль мигает фарами, приглашая подойти.

Мне страшно садиться в машину к Абрамяну, но я не подаю вида. В конце концов, я проработала у него довольно долго, чтобы выучить его повадки. Левон Абрамян – красивый подонок и непроходимый бабник. Он, как хамелеон, меняет принципы в зависимости от ситуации. Сегодня утром нас всех арестовали исключительно по его вине. Он ведет незаконную деятельность и укрывается от уплаты налогов. Когда случилась облава, он успел всунуть мне флешку с информацией, которую не должны были увидеть правоохранительные органы. Я успела затолкать ее под кожаную обивку его рабочего кресла. На этом состав моего преступления исчерпан.

Задняя дверца открывается, и я сажусь в машину. Впереди сидят двое мужчин кавказской внешности. Это служба безопасности Левона Абрамяна. Но на самом деле от безопасников Левона веет такой угрозой, что я внутренне сжимаюсь. Понимаю – это отпетые головорезы. Профессионалы, которым ничего не стоит свернуть мне шею.

Левон все в том же костюме, что и утром. Он слегка помят, но в основном мой босс выглядит, как обычно, великолепно. Чего только стоит цвет его глаз в сочетании с кавказской кровью.

Я пытаюсь взять себя в руки. Пытаюсь казаться смелой. Поднимаю взгляд на сидящего рядом со мной Абрамяна. Смотрю на него, не мигая.

— Добрый вечер, Левон Тигранович, — произношу тихо.

— Что ты сказала на допросе? — сканируя меня мрачным взглядом, спрашивает он.

Его подельники прожигают меня почти черными глазами в зеркало заднего вида.

Я отрицательно качаю головой.

— Меня не допрашивали.

Он удивленно приподнимает густую черную бровь.

— Как, не допрашивали?

Я пожимаю плечами.

— Вот так. Продержали до самого вечера, а потом отпустили.

Грязно выругавшись, Левон выдергивает у меня из рук мобильник. Передает его тому мужчине, что сидит рядом с водителем.

— Что вы делаете? — вскрикиваю я.

Пытаюсь дернуться, но Левон резко вжимает меня в сиденье крепкими руками.

— Т-с-с, — выдыхает жестко. Скользит порочным взглядом по моим губам, тихо усмехается.

От страха у меня дико колотится сердце. Левон пахнет дорогим восточным парфюмом, а еще от него веет опасностью и развратом. Его пальцы оставляют ожоги на моих плечах.

— Красивая ты, Наташа. Красивая и гордая, — обжигает его хрипловатый шепот мою шею.

Мой телефон разбирают на запчасти. Сидящий рядом с водителем безопасник грубо ухмыляется и выдергивает пинцетом какую-то маленькую деталь, больше похожую на стальную пуговицу с проводками.

— Жучок, Левон, — произносит торжественно. — Они напичкали ее телефон прослушкой. Поэтому и отпустили.

С этими словами он приоткрывает окошко и выбрасывает жучок на проезжую часть.

Я вжимаюсь в сиденье. От ужаса меня начинает потряхивать.

Мой разобранный телефон погружают в пластиковый пакет.

— Постойте… в телефоне у меня все! И контакты, и банк. Я ведь даже оплатить без него ничего не могу! — рвусь из плена Левона.

Мой босс предупреждающе сверкает взглядом голубых глаз. Сжимает мои плечи жестче.

— Где флешка, Наташа? Она у тебя?

— Нет! Я успела засунуть ее в обивку вашего рабочего кресла.

Мужчины на переднем сиденье переглядываются.

— Офис опечатан, — цедит сквозь зубы тот, что за рулем.

— Ты не лжешь? — продолжая прожигать меня дыханием, уточняет Левон.

— Конечно, нет!

— Кто-то еще знает, где флешка?

— Нет! Только я и вы.

— Молодец. А теперь слушай сюда. Ты больше у меня не работаешь. Телефон купишь новый, номер тоже.

Я дрожу. С отчаянием рассматриваю его красивое лицо. Его губы слишком близко. Не понимаю, почему.

— Ты мне нравишься, Наташа. Очень.

Водитель передает Левону пачку денег.

— За эти деньги купишь новый мобильник и номер. На первое время тебе хватит. Потом я за тобой вернусь, — инструктирует меня босс и вкладывает пачку денег в карман моей куртки.

— Что?.. — шепчу растерянно. Но вместо ответа Левон резко прижимает меня к себе. Прежде чем я успеваю уклониться, он накрывает мои губы властным, подчиняющим поцелуем. Я пытаюсь вырваться, но от этого его поцелуй становится только настойчивее.

Я брыкаюсь. Левон тяжело дышит. Он возбужден до предела. Его заводит сопротивление.

На мгновение он отрывается, и я ощущаю невероятное облегчение. Но это обманный маневр. Левон нападает, будто коршун. Он обхватывает мое лицо ладонями и впивается в мой рот новым поцелуем.

Он целует властно и уверено, безжалостно царапая щетиной мою нежную кожу. Его горячее дыхание обжигает, лишает способности здраво мыслить.

Искушенный обольститель, он целует меня снова и снова, а потом резко отстраняется. Дверь распахивается, и меня грубо выталкивают на обочину дороги.

Я едва успеваю вытянуть руки вперед, чтобы не упасть лицом вниз.

Дверь захлопывается. Из окна с переднего сиденья выпадает пакет с моим разобранным телефоном. Роскошная машина срывается с места. Дважды переехав пакет, она исчезает в ночной мгле.

Глава 10. Наташа

Я сижу на асфальте. В ушах стоит хруст моего погибшего мобильного телефона.

Обхватываю плечи руками. Закусываю губу. Всхлипываю.

— Ната! — слышу голос мамы со стороны подъезда. — Ната!

Прикрыв рот ладонью от страха, она запахивает халат потуже и бежит ко мне. Помогает подняться.

— Во что ты вляпалась, Ната?! — больно впиваясь в мой локоть, кричит истерично. — Зачем приезжали эти сволочи?

Я поспешно оттираю слезы с щек.

— Они приезжали, чтобы узнать, что я рассказала следователю.

— А я говорила: иди работать ко мне в центр! Но нет же! Нам нужна красивая жизнь. Доигралась? — по пути к подъезду выговаривает мне она.

Но я ее почти не слушаю.

В ушах все еще звенит хруст раздавленного мобильного телефона.

«Ты мне нравишься, Наташа. Очень»

«Потом я за тобой вернусь»

Мы заходим в прихожую.

Из кухни выглядывает Нина. В ее глазах стоит тревога. Глупый Шильдик вертится под ногами.

— Ната, не молчи! — напирает на меня мама.

— Меня уволили. Довольна? — огрызаюсь я.

Она потрясенно смотрит на меня.

— Уволили?

— Да. Так что можешь спать спокойно. А насчет твоего центра – ты сама знаешь, что психолог из меня никудышный.

Я громко хлопаю дверью ванной комнаты. Сбрасываю с себя одежду и ныряю под горячие струи душа. Меня захлестывает паника. Нет, я, конечно, знала, что мой босс ублюдок, но не осознавала масштаб его безнаказанности. Он никогда не подкатывал ко мне на работе. Просто смотрел иногда слишком откровенно, но это же Левон.

Мне не понравилось его «Потом я за тобой вернусь».

Не будет никакого потом! Не должно быть. Он не имел права меня целовать.

Перед глазами снова всплывают губы и руки Соколовского. Я прикрываю глаза. Вспоминаю его запах, его голос, объятия – такие давно забытые и родные. Сердце опаляет боль. Единственный, кто имеет право меня целовать – мой бывший муж.

Мозг пронзают бесшумные выстрелы снайпера. Прокурор Седов падает на асфальт. Вслед за ним Саша.

Я закрываю лицо руками. Сползаю по стенке душевой кабины вниз и давлюсь глухими рыданиями. В своей жизни я любила лишь раз. Отдала свое сердце капитану Соколовскому, чтобы «долго и счастливо».

Память услужливо швыряет в меня воспоминаниями, от которых я задыхаюсь.

В то утро восемь лет назад я вместе с остальными сотрудниками по приказу проходила медкомиссию.

«Беременность, шесть недель», — констатировали в кабинете УЗИ. То заключение перевернуло мою жизнь. Ребенок. У нас с Сашей будет ребенок. Беременность в одно мгновение стала главным смыслом. Я знала, что Саша в прокуратуре, на приеме у Седова. Помню, кто-то из сотрудников предложил подкинуть на машине до городской прокуратуры. Как я летела

к мужу! Нарушив все правила безопасности, несла самую дорогую на свете весточку! Потому что по-другому не могла. Молодая, глупая – уж очень хотела поделиться с ним новостью.

Я помню тот миг так ярко, как будто это случилось вчера:

Саша садится в служебную машину прокурора возле здания городской прокуратуры.

«Натуль? Ты почему здесь?» — удивляется он. Я свечусь от счастья, делаю шаг ему навстречу.

…А потом на моих глазах его расстреливают.

Вода стекает по волосам и спине теплыми струями. Заливает лицо, противно попадая в нос и не давая вдохнуть. Я зажимаю рот ладонью. Давлюсь всхлипами.

Мне хочется смыть с себя отвратительный поцелуй Левона.

Я живу ради сына. Я стою на страже покоя своего ребенка. Все остальное не имеет значения. Если бы Саша знал о моих причинах держаться от него подальше, он бы меня… не простил, нет. Но он бы понял.

«Я тебя посажу, Левон», — обещаю решительно. Выпрямляю спину.

«Завтра утром отправлю маму и Нину на работу и поеду к следователю».

Когда я выбираюсь из ванной комнаты, мама и Нина все еще сидят на кухне. Я останавливаюсь у стола. Пригубляю свой бокал вина.

— Наташа, ты ведь не все мне рассказала? — испытующе посматривает на меня мама.

Нина молчит. Она всегда молчит, если мы с мамой сталкиваемся характерами.

Я хмурюсь.

— Мам, не лезь, ладно?

— Я все видела. Как тебя вышвырнули из машины видела! Неужели ты думаешь, что я останусь в стороне? Особенно после того шоу, которое устроили по телевизору?

Я ставлю бокал в посудомойку. Сверкаю взглядом.

— Нет, ты как хочешь, а я сегодня вечером заберу Ваню! — не унимается мама. — На выходных у нас намечается выездной ретрит на базе у озера. Уверена, тебе не повредит свежий воздух. Раз тебя уволили, вливайся в нашу работу. Пока побудешь в роли клиентки. Заодно и подальше от города.

Я замираю.

— Не вижу в этом необходимости.

— А я вижу! И не смей со мной спорить. Знаешь, почему? Если с тобой или Ванечкой что-то случится, я себя не прощу. Уверена, ты тоже.

Я вздыхаю. Довод железный, не поспоришь.

— Во сколько вы выезжаете? — уточняю повержено.

— Завтра в шесть часов вечера. На базе будем в девять. Ретрит начнется утром в субботу. Не забудь взять удобную спортивную одежду и коврик для йоги.

— Хорошо, мы с Ваней поедем. Все, я спать, — произношу примирительно и покидаю кухню.

«А может, поехать сразу к Соколовскому?» — приходит в голову шальная мысль.

Бумерангом летит ответная реакция. По спине прокатывается холодок. Ладони становятся влажными. Сердце взрывается тысячей ударов в минуту. Становится нечем дышать. Так яркой вспышкой дает о себе знать мой самый страшный триггер.

Я стискиваю зубы. Сжимаю руки в кулаки.

Хватит ли у меня смелости снова подойти к зданию городской прокуратуры? Снова пройти той дорогой, на которой восемь лет назад расстреляли моего мужа?

Глава 11. Наташа

Утро начинается вместе с рассветом. Мама уезжает раньше всех. Она забирает Ванечку, чтобы по дороге завезти его в школу.

Взамен мама оставляет нам Шильдика, который носится по квартире, как угорелый.

Я включаю беговую дорожку. Мое утро всегда начинается с тренировки. Включаю музыку в наушники и задаю нужную скорость.

Тренировка длится ровно тридцать минут.

За это время я принимаю решение встретиться с Соколовским в обход следователя. Кто знает, какие сюрпризы таит следователь Молчанов? Сашу я знаю намного лучше. Вряд ли что-то изменилось за восемь лет. Сейчас он как никогда фанатично предан своей работе. Новое назначение это подтверждает. Мой план прост: я расскажу Соколовскому секрет о том, где хранится флешка, правоохранители рванут в бой, а я тихо уеду из города вместе с сыном до понедельника. Уверена, следователю Молчанову не составит труда найти флешку и добить обвинение Левона Абрамяна. А там… будь что будет. Лучше так, чем бездействовать и ждать, когда Левон вернется.

В стену соседней квартиры кто-то громко бьет отбойным молотком, и это сбивает с ритма.

Я раздражаюсь. Выключаю беговую дорожку и медленно открываю бутылку с водой.

В гостиную заглядывает Нина.

— Кажется, у нас появились соседи? — уточняет недовольно.

Я киваю.

— Похоже на то.

Сестра забирается на диван.

— Я занимаюсь организационными вопросами нашего ретрита, но из-за шума на кухне работать невозможно, — жалуется она.

Я пожимаю плечами.

— Мы не можем запретить соседям делать ремонт.

Нина испытующе посматривает на меня.

— Так значит, ты едешь с нами на озеро?

— Еду, — киваю согласно. — Ванечке не повредит провести выходные на свежем воздухе. Уверена, Шильдик с радостью составит ему компанию. Кстати, я Ваню сегодня сама заберу из школы. Так что можешь спокойно заниматься организацией ретрита.

— Уверена? Может, все же, я его заберу?

— Я ведь теперь безработная, забыла?

Сестра усмехается.

— Что ж, иногда надо выходить из зоны комфорта.

Я усмехаюсь. Вчера меня из нее грубо вышвырнули на асфальт.

В стену соседней квартиры громко бьет отбойный молоток. Потом в ход идут сверла.

Я закатываю глаза.

— Достали, — хмурится Нина.

— А что ты сделаешь? Сейчас утро. Имеют право. Идем, выпьем по чашке кофе?

— От кофе не откажусь.

Мы заходим на кухню. Нина садится за стол, а я готовлю кофе в турке. Засыпаю молотый кофе, заливаю воду и ставлю турку на плиту.

Новая волна грохота за стеной заставляет нас вздрогнуть. Турка срывается, и коричневая жидкость заливает белоснежную плиту.

Я взрываюсь.

— Да что ж такое?!

Нина горестно вздыхает.

— Ну, вот, выпили по чашке кофе, — сокрушается она.

— Нет, это возмутительно! Они там что, решили снести несущие стены?

— Пожалуй, я лучше поеду в центр. Шильдика возьму с собой.

— Ну, уж, нет!

Я швыряю тряпку в рабочую зону и устремляюсь в прихожую.

— Ты куда? — настораживается сестра.

— Пойду, поговорю с соседями. Сколько можно портить нам жизнь?

Накинув на плечи кардиган, я выхожу на лестничную клетку.

Двое рабочих устанавливают соседям новую входную дверь.

— Товарищи, вы долго будете шуметь? — наступаю на них, закипая от недовольства. — Работать невозможно!

Взгляд скользит по дверному полотну. Маркировка «СТАЛ 50» заставляет меня насторожиться. Такие двери являются элементом защиты особо важных помещений. Они взломостойкие и пуленепробиваемые.

Рабочие поворачиваются ко мне.

— Установка новой двери. Потерпите, скоро закончим.

— Да если бы только дверь! — фыркаю я. — Вы там стены случайно не сносите?

Парни переглядываются.

— Девушка, чем скорее мы начнем, тем скорее закончим. Насчет перепланировки все вопросы к хозяйке. Она на кухне.

Они берутся за сверла, а я принимаю решение взглянуть на новую соседку, которой понадобились бронированные двери.

Минуя рабочих, заглядываю в квартиру. Перешагиваю через разбросанные по прихожей обрывки коробки. Стряхиваю с комнатных тапочек налипший пенопласт.

Добираюсь до кухни.

У плиты орудует немолодая женщина.

Ее темные волосы собраны в ракушку. Мягко струящийся вниз брючный костюм из светлого кашемира подчеркивает красивую осанку.

Что-то неприятно колет в груди: она похожа на кого-то из моего прошлого.

Я настороженно останавливаюсь. Понимаю, надо бежать. Но поздно – она оборачивается. Замирает с шумовкой в руке.

— Здравствуй, Наташа, — выдыхает надтреснуто.

— Извините, — хриплю дрожащим голосом ответ. — Я, наверное, ошиблась…

Я пячусь назад. Спотыкаюсь о коробки, о разбросанный повсюду пенопласт. Рвусь обратно, на лестничную клетку. Ныряю в свою квартиру и запираюсь на все замки. Пытаюсь унять дрожь в теле.

— Ната? — сестра изумленно на меня смотрит. — Что случилось?

Я прижимаюсь спиной к стене.

— Я знаю, для кого устанавливают бронированную дверь, — произношу растерянно.

Глава 12. Прокурор

Утро начинается стандартно. Никуда не деться от ремонта – прибывшие на час раньше установщики входной двери топчутся на пороге, и их появление вынуждает меня отчалить на службу раньше обычного.

— Саша, хоть кофе выпей! — пытается остановить меня мама. Она тоже на посту едва ли не с рассвета.

— На работе выпью, — отмахиваюсь раздраженно.

Сокрушаюсь. Мне не стоило привлекать ее к руководству ремонтными работами. Но больше эту заботу доверить попросту некому.

На первом же повороте мой автомобиль встревает в пробку. Я прокручиваю в голове два предстоящих судебных заседания. Пытаюсь вспомнить сроки сдачи материалов следственному отделу. Я всегда думаю исключительно о работе. Служить закону – вот истинный смысл моей жизни.

Я подъезжаю к зданию городской прокуратуры. Сотрудник охраны приветливо отдает мне честь.

Я сдержанно киваю. Загоняю машину на подземную парковку, а потом устремляюсь вперед.

Но после вчерашней встречи с прошлым со мной что-то не так.

Воображение против воли рисует тот миг, когда я в последний раз видел на этом тротуаре Наташу.

Мозг отчетливо воссоздает ее хрупкую фигуру в форме и радость встречи в бездонных зеленых глазах.

«Натуль, ты почему здесь?»

А потом адская, разрывающая боль в груди и темнота.

Я сжимаю ручку портфеля крепче. При воспоминании о бывшей жене инстинктивно стискиваю зубы. Место старого ранения начинает ныть. Осознаю - адская боль потери не угасла. Она жива, как никогда.

Я прогоняю видение усилием воли. Ускоряю шаг. Я не прощаю предательства. Поступок Наты по другому назвать нельзя.

У главного входа напряженно сглатываю – кажется, именно здесь когда-то упал прокурор Седов.

За все годы службы я сотню раз проходил по этой дороге, и ни разу в голове не всплывали ассоциации с тем покушением. А сегодня почему-то кольнуло.

Я устремляюсь вперед. Ныряю в тяжелые двери, киваю второму охраннику. Миновав турникет, поднимаюсь к себе в кабинет.

Еще рано, и секретаря нет на месте. Что ж, иногда одиночество полезно.

Я включаю чайник в приемной и делаю кофе. Вспоминаю вчерашнюю встречу с бывшей женой. Никакие обещания не смогли выжечь из моего сердца эту женщину. Моя душа тянется к ней. Я до сих пор ею одержим, и от этого на душе сплошной мрак.

Я устраиваюсь за рабочим столом в своем кабинете. За чашкой крепкого кофе просматриваю почту. В короткой заметке выделяю основные задачи на следующую рабочую неделю.

Одно из писем пришло от телеканала. Этим что понадобилось от прокуратуры? Открываю.

«Здравствуйте, Александр Дмитриевич! Это Софья Грановская. Не знаю, как еще можно до вас достучаться, поэтому решила использовать служебное положение и написать вам на почту. Хочу пригласить вас на чашку кофе. Пожалуйста, уделите мне несколько минут своего личного времени. Обещаю, вы не пожалеете! С уважением, Софья»

Я с интересом посматриваю на фразы в письме. Такая молодая и отважная, надо же. Решила, что сможет завоевать прокурора и написала письмо в прокуратуру.

«А может, начать все сначала? Хотя бы попытаться?»— рвется надежда на чудо. Она, как майское солнце, подталкивает к действию. Невозможно все время проводить во мраке. Даже прокурору нужны просветы.

Усмехнувшись, я набираю номер, что указан в письме.

— Алло? — слышу сонный голос теледивы.

— Доброе утро, Софья. Это прокурор Соколовский. Разбудил?

— Нет, нет, что вы! Я уже не сплю. Совсем не сплю, – задыхаясь от волнения, хрипловатым голосом тараторит она.

— Вы прислали письмо на мою рабочую почту.

— Простите! Это я от отчаяния. Вы такой недоступный. Я просто не знала, как еще привлечь ваше внимание. С того момента, как вы дали интервью на нашем канале, у меня из головы не идет ваш образ. Я ваша фанатка! — она тихонько смеется. Спохватывается. — Я, наверное, слишком настойчива, да? Просто мне еще никогда так сильно не западал в душу мужчина и не отказывали так резко.

Я усмехаюсь. А она забавная, эта теледива с фальшивым именем.

— Хотите, поужинаем вместе? — приглашаю ее внезапно.

— Вы… вы серьезно? Конечно, хочу!

— Скажем, сегодня в восемь вечера? Я могу заехать за вами в телецентр.

— В восемь? Я согласна.

— Только личная просьба: никакой огласки. Договорились?

— Конечно, конечно! — звенит надеждой ее голос. — Я буду ждать вас в восемь.

— Значит, до встречи?

— До встречи, Александр Дмитриевич.

В трубке раздаются короткие гудки. Я поднимаюсь из-за стола и подхожу к окну. Яркое майское солнце ослепляет. Надо же, распогодилось! Похоже, выходные будут, что надо. В сердце вспыхивает надежда на новую жизнь.

Поразмышляв, я принимаю решение забронировать не только столик в хорошем ресторане, но и номер на двоих в загородном отеле. Думаю, Софья большая девочка и не откажется от совместного уикэнда.

Она хорошенькая, а мне не повредит встряхнуться.

Звонок от Молчанова из следственного отдела заставляет меня напрячься. Кажется, я слишком замечтался о хорошем.

— Максим, ты как вестник апокалипсиса, честное слово, — фыркаю недовольно.

— Уж такая у меня работа, портить окружающим утры, — усмехается он. — Я по поводу вашей с Левоном зазнобы, Сань.

Образ Наташи всплывает перед глазами ярким всполохом. Старое ранение глухо ноет.

— Что с ней? — уточняю напряженно.

— Левон нашел жучок, который мы вставили в ее телефон.

По спине прокатывается холодок. Нехорошее предчувствие сковывает грудь.

— Он к ней приезжал?

— Как только его сраные адвокаты добились разрешения на внесение залога, он сразу помчался к ней домой. Зря мы ее не допросили.

Левон Абрамян и моя бывшая жена? Сердце опаляет ревность - дикая, испепеляющая, безудержная.

— Так допросите! Немедленно! — рычу яростно.

— Уже отправили наших людей, чтобы доставили ее в отдел.

— Я хочу присутствовать на допросе!

— Тогда приезжай.

Я смотрю на часы, а потом стремительно хватаю со спинки стула китель. Забрасываю в портфель мобильник и нужные документы по делу.

Распахиваю дверь своего кабинета и размаха налетаю на посетительницу. Сердце летит в глубокую пропасть - не узнать бездонные зеленые глаза и хрупкую фигуру невозможно.

Наташа грустно усмехается.

— Привет, Саш. Давно не виделись, да?

— Как тебя сюда пустили? — хриплю изумленно.

Она с вызовом смотрит мне в глаза.

— А я сказала, что я твоя жена.

Глава 13. Прокурор

Я каменею.

— Ты… что сказала? — выдыхаю с яростью.

Взгляды сталкиваются.

Она напряженно сглатывает. Виновато прячет глаза, а ее тонкие пальцы с идеальным маникюром поправляют жемчужные пуговицы на светлой шелковой блузке, которая соблазнительно облегает маленькую упругую грудь. Спускаются ниже, разглаживают невидимые складки на обтягивающей безупречные бедра юбке-миди алого цвета и заставляют смотреть на стройные ноги, которые украшают туфли на высоченной шпильке.

— Прости. Мне очень было нужно тебя увидеть.

Я хватаю ее за плечи.

— Запомни: у меня нет жены! — хриплю ей в лицо. — Нет!

— Пусти… мне больно… Саша! — она пытается вырваться из железной хватки, но я не отпускаю. Крепко сжимаю пальцами ее нежные плечи. Хочу испепелить, уничтожить, но вместо этого тону в ее бездонных зеленых глазах.

— Прости, — шепчет она. Оправдывается: — По-другому меня бы не пропустили. Ты недавно вступил в должность, они еще не успели выучить, есть у тебя жена, или нет. А я была очень убедительна и…

— Ты для чего так вырядилась?! Тебя Абрамян прислал?! — выплевываю вопрос ей в лицо. Пытаюсь справиться с собственной агрессией, но не получается. Эта женщина причиняет мне адскую боль.

— Нет! Конечно же нет, — ей наконец удается вырваться, и она с отчаянием потирает плечи. — Ты мне синяков наставил!

— Скажи спасибо, что не убил!

Она горько усмехается.

— Надо же, а по телевизору ты был другим. Обходительным, вежливым. Я даже поверила в то, что ты изменился.

— Заткнись, Ната! — обрываю ее. — Я не знаю, какого лешего ты делаешь в моем кабинете, но сейчас приедет следователь Молчанов и заберет тебя на допрос. Думаю, тебе будет полезно посидеть в КПЗ.

Я достаю из портфеля мобильник и набираю номер Молчанова.

— Нет! — резко вскрикивает она. В одно мгновение оказывается рядом. Вырывает телефон у меня из рук и жмет на отбой.

Я испепеляю ее цепким взглядом. Пытаюсь отнять телефон, но она его не отдает.

— Не надо меня отправлять к Молчанову. Я его не знаю!

Я зло ухмыляюсь. Наступаю на нее, и она, не удержавшись, падает в кресло для посетителей. Я нависаю над ней, впиваясь пальцами в ручки кресла.

— Вот и познакомитесь поближе, — выдыхаю ей в лицо. — Заодно расскажешь ему, что тебя связывает с Левоном Абрамяном.

Телефон начинает вибрировать входящим вызовом - Максим желает знать, зачем я ему звонил.

— А вот и следователь Молчанов, — подмигиваю бывшей жене.

Тяну руку за мобильником, но Ната, изловчившись, швыряет его под рабочий стол. Пролетев по полу, он ударяется о стену и застревает под батареей.

У меня падает челюсть.

— Ты знаешь, сколько стоит мой телефон? — сжав ее горло пятерней, выдыхаю зло.

Ната вжимается в кресло. Хватает ртом воздух и смотрит на меня с отчаянной бравадой.

— Убери руку, — хрипит надсадно. — За убийство сажают даже прокуроров!

— Суд присяжных меня оправдает! — рычу в ответ. — А когда они узнают, что ты бросила меня умирать, тебе самой впаяют срок за предательство!

Она нервно дергается. О, святая простота – в ее глазах блестят слезы!

— Нет такой статьи! — выдыхает повержено.

— Очень жаль, что нет, — цежу ядовито я.

Мы так близко друг к другу, что я чувствую ее запах. Тот самый, родной, любимый, с примесью горького миндаля и жасмина.

Ее губы так близко. Они слегка приоткрыты от страха, а у меня темнеет в глазах. Я хочу ее взять, присвоить, сделать своей прямо здесь, в кабинете, под камерами, и мне впервые в жизни плевать на закон, который будет в этом случае на ее стороне.

— У меня нет никаких отношений с Абрамяном, — шепчет она. — Вчера, когда случилась облава, он всунул мне в руку флешку. Я испугалась и затолкала ее под обшивку его рабочего кресла. Ночью он приехал ко мне и угрожал! Если вы успеете перехватить флешку раньше, чем Абрамян, у вас будет, за что упечь его в тюрьму. У меня сын. Я не хочу рисковать его жизнью.

Я ослабляю хватку. Она с силой отталкивает меня от себя. Мне под ноги с грохотом летит стоящий рядом стул.

Моя бывшая женушка огибает рабочий стол и оказывается возле входной двери.

— Я хотела поговорить с тобой по-человечески, но вижу, что за эти восемь лет в следственном отделе ты окончательно слетел с катушек! — одергивая блузку, выкрикивает громко. — Но ты у нас умный. Сможешь использовать информацию во благо правосудия!

Я чувствую себя разъяренным быком в разгар испанской корриды. Двигаю стол в сторону. Ната с силой толкает рабочее кресло мне под ноги и толкает дверь.

Мои привычки оперативника дают о себе знать. Увернувшись от кресла, я в одно мгновение оказываюсь рядом. Хватаю ее за запястье и дергаю на себя, не давая уйти.

Пригвождаю ее к стене. Мы так близко. Тяжело дышим в унисон.

— У меня сын, — выдыхает она. — Я сегодня же уеду из города вместе с ним. У мамы ретрит. Мы проведем выходные на базе у озера. Надеюсь, офис опечатан и находится под наблюдением. Потому что Абрамян тоже знает, где флешка.

Я с силой сжимаю ее запястье.

— Это квест такой, да? Доберись до улики первым? — рычу разъяренно. — Можешь загадывать загадки Левону, а со мной этот номер не пройдет! Запомни: я прокурор. В твоем рассказе достаточно информации, чтобы тебя привлечь.

Я слышу, как отчаянно колотится ее сердце. Ее запах, чертова алая юбка и блузка вкупе со слезами действуют на мою мужскую суть, заставляя скрежетать зубами.

В глазах темнеет. В брюках становится слишком тесно.

Я грубо зарываюсь рукой в ее волосы. Притягиваю к себе и жадно накрываю губами ее губы. В этом поцелуе нет никакой нежности – он безжалостно ранит ее нежную кожу и размазывает яркую помаду по красивому лицу.

Она стонет мне в рот, пытается вырваться, а я в ответ углубляю поцелуй, заставляя ее подчиниться.

Громкий стук в дверь заставляет вернуться в реальность.

В кабинет вваливается Молчанов со своими операми.

— Ну ничего себе, у вас тут жарища! — таращится на меня он.

Я ухмыляюсь. Толкаю ошеломленную моими действиями Нату в лапы Молчанову.

— Допроси ее, Максим. Она знает, где флешка. И в КПЗ ее отправь. Пусть там посидит.

В бездонных зеленых глазах моей бывшей жены вспыхивает отчаяние.

— Что?! Я не могу! У меня ретрит! У меня сын…

— Проведешь свой ретрит у нас в гостях. Макс, позвони ее родне. Пусть перехватят ребенка из школы.

Молчанов ухмыляется. Скользит заинтересованным взглядом по ее алой юбке.

— Идем, красотка. Побеседуем в моем кабинете, — подмигивает Наталье. — За мальчишку не волнуйся, его заберут родственники.

Она оборачивается.

— Я тебя ненавижу! — всхлипывает.

Я подаюсь вперед. В душе бурлит негодование. Горькая обида, которой уже восемь лет, рвется наружу, не давая мыслить рационально.

— А ты думала, можно бросить человека умирать, а потом надеть красную юбку, ворваться в его жизнь и рассчитывать на поддержку?! — бросаю в ответ.

Молчанов предупредительно прочищает горло. Посматривает на меня испытующе. Я указываю взглядом на Нату. Он берет ее за плечо и толкает к выходу.

Дверь закрывается. Под батареей отчаянно вибрирует вызовом мой сотовый телефон, но я не двигаюсь. Мой мир снова рухнул.

Глава 14. Прокурор

Я выхожу из здания суда. Посматриваю на часы, тороплюсь к своей машине. До встречи с Софией Грановской осталось всего полтора часа. Столик в ресторане забронирован, цветы заказаны, но есть одна проблема - в ресторане дресс-код, а я до сих пор в форме.

Набираю на ходу номер телефона матери.

— Мам? Ты еще у меня?

— У тебя, конечно. Где мне еще быть?

— Слушай, там в шкафу в гостиной на вешалке черный костюм. Погладь к нему белую рубашку, пожалуйста. Я через двадцать минут буду дома.

— А что за спешка? Снова интервью?

— Нет. — Я забираюсь в машину и бросаю портфель на соседнее сиденье. — У меня через час встреча назначена с красивой женщиной. А в ресторане дресс-код. Я не подумал, что костюм понадобится.

— Хорошая хоть женщина? — настороженно уточняет мама. — С лица, знаешь ли, воду не пить.

— Отличная, мам! Тебе понравится, — отмахиваюсь с досадой.

— Сейчас все подготовлю, сынок. Приезжай.

Я жму на отбой. Провожу по лицу рукой. Дожился! Четвертый десяток разменял, а мама мне костюмы наглаживает. Конечно, если бы не мое новое назначение и не покупка новой квартиры, я бы и сам справился. Но сейчас в моей жизни плотно укоренился хаос. Без поддержки крепкого женского плеча сложно справиться. А женское плечо – это или жена, или мать. Жена у меня была одна, и я ее в КПЗ еще утром отправил. Так что остается только сдаться матери.

Я добираюсь до своего нового места жительства без приключений.

Ставлю машину на парковке перед домом и поднимаюсь на лифте на восьмой этаж.

Выхожу из лифта и едва не спотыкаюсь о раскрытый рюкзак.

Бомба? Реакция срабатывает молниеносно – я отшатываюсь обратно в лифт. И тут краем глаза замечаю ребенка. Мысленно чертыхнувшись, я выбираюсь из лифта.

Прижавшись спиной к стене, на полу сидит мальчишка лет семи-восьми в школьной форме. Вокруг разложены тетрадь и учебник по математике. Пенал открыт, ручки, карандаши рассыпались прямо по грязному полу, а сам хозяин беспорядка увлеченно что-то рисует черной гелевой ручкой на альбомном листе.

— Ух, ты, — я озадаченно застываю. — Ты почему на полу сидишь?

Мальчик поднимает на меня взгляд. Пожимает плечами.

— Меня мама должна была из школы забрать, но не приехала. Я на автобусе домой добрался, а оказалось, что ключи от дома я забыл. Бабушка утром торопилась меня поскорее в школу отвезти, вот я и не взял ни ключи, ни телефон, — рассказывает спокойно. — В подъезд меня соседи впустили. Вот я и жду, когда кто-то из взрослых домой придет.

Он бесхитростно смотрит мне в глаза. Мне становится нехорошо. Сегодня утром я уже видел этот взгляд. Глаза у него зеленые, один в один, как у Наты.

Нет, не может такого быть, чтобы сын Наты оказался у меня на лестничной клетке!

— Зовут тебя как?

— Ваней.

— А в какой квартире ты живешь? — спрашиваю осторожно.

— Так в восемьсот пятой, — он кивает на соседнюю дверь.

— А маму твою, как зовут?

— Наташей.

Я замираю.

— А бабушку?

— Варварой. А что?

Я изумленно рассматриваю мальчишку. Нет, ну, сюр какой-то!

— Ты точно в восемьсот пятой квартире живешь? А, Ваня? Ничего не перепутал? — уточняю, прищурившись.

Он обиженно фыркает.

— Нет, не перепутал.

Я таращусь на мальчишку. Мозг лихорадочно работает. Мы с Натой соседи? Совпадение? Глупая шутка судьбы?

Усмехаюсь. Мне ли не знать, что случайностей не бывает?

Квартиру я изначально покупать не собирался. Но мама продала дачу, что осталась от отца, а потом началось: хватит жить в конуре, прокурору нужна хорошая недвижимость. Мне, как оперативнику, который живет на работе, это ни к чему. Главное – чтобы был хороший вайфай, ноутбук и место, где можно отоспаться.

В общем, квартиру выбирала тоже мама. Я подписывал документы как раз перед вступлением в должность, не глядя – слишком много было у меня на тот момент оперативной работы. Мои люди пробивали только агентство недвижимости и чистоту сделки.

Как вышло, что мама нашла мне квартиру рядом с бывшей женой?

Придется устроить ей допрос с пристрастием. Ведь намеренно здесь квартиру купила!

Мысленно выругавшись, я достаю мобильник и набираю Молчанова.

— Максим, вы помощницу Левона допросили?

— Саша, мне сейчас некогда. Тут офис Абрамяна заминировали. Мы минеров ждем.

— Как, заминировали?

— Когда выясню подробности, обязательно тебе расскажу.

— Постой! Вы родственникам Натальи позвонили? Попросили ребенка из школы забрать?

—Черт… прости, совсем из головы вылетело! Сейчас дам задание…

— Не надо! Мальчик у меня сидит.

—Что? Как он к тебе попал?

— Неважно, занимайся офисом.

Я жму на отбой, смотрю на мальчика.

— Что ж, пойдем, у меня погостишь до маминого возвращения. Негоже на грязном полу сидеть, — приглашаю его в гости. Наклоняюсь, чтобы собрать ручки и карандаши, но он резко отталкивает мою руку.

— Я не могу к вам домой идти! Мама говорит, что нельзя с незнакомыми никуда ходить.

— Логично. Но со мной можно. Я прокурор.

— Да ладно, — он недоверчиво ухмыляется.

Я нащупываю в кармане удостоверение. Протягиваю.

— Вот. Я Александр Дмитриевич Соколовский.

Он изумленно смотрит на меня, а потом выхватывает удостоверение и с жадностью рассматривает герб и печати. В зеленых глазищах вспыхивает неподдельный восторг.

— Я тоже прокурором буду, когда вырасту, — признается дрожащим от восторга голосом. — Я маме так и сказал!

Мне становится весело.

— А мама что?

— А мама сказала, что лучше бы я выбрал психологию.

В груди что-то царапает. Что-то давно забытое, доброе и светлое. Хороший у Наты сын.

— Так что, идешь ко мне в гости? — подмигиваю ему.

— Ага. От бутерброда не откажусь. Мне мама сегодня забыла денежку на обед дать.

Я вздыхаю. «Ну, что ты за мать, Ната?» — сокрушаюсь, помогая мальчику собрать школьные принадлежности в рюкзак.

Глава 15. Прокурор

У меня в квартире новая дверь. Она сверкает сталью и намекает, что без комплекта ключей внутрь не попасть.

Я громко стучу.

— Уже бегу! — слышу приглушенный голос мамы. Она отпирает дверь.

— Глажу, Саш, — отчитывается мне. И вдруг видит, что я не один. — Ой…

— Встречай гостей, мам. — Я пронизываю ее испытующим взглядом. — Соседей дома нет, а мальчик ключи забыл. Я его пригласил к нам. Негоже, чтобы ребенок в холле голодным сидел.

Мама почему-то прикрывает рот ладонью. Бледнеет.

— Покормишь? — приподнимаю бровь.

— Да. Да, конечно. Только утюг выключу. Проходи, Ваня. Я сейчас…

Она убегает в гостиную, а я хмурюсь. Странная у нее реакция на соседского мальчика. И еще: я ей не говорил, как зовут нашего гостя.

Достаю из гардероба свои тапочки, ставлю перед Ваней.

— Идем, я тебе покажу, где можно руки вымыть.

Он доверчиво смотрит на меня. Идет следом.

А у меня в сердце разгорается приятное тепло. Давно уже такого со мной не было. Я привык блуждать среди пепла и мрака. А тут – ровный, теплый свет. Понимаю – это сын Наташи. Не мой. Но ничего не могу с собой поделать, тянет к нему магнитом. Хочется его оберегать и защищать. Странное чувство.

Ванька быстро осваивается в моей квартире. Тщательно моет руки, заглядывает в гостиную.

— Ух, ты, какой большой телек! И приставка есть?

— Есть, — киваю согласно.

— Круто. — Он переминается с ноги на ногу. — А можно… я джойстик потрогаю?

— Можно.

Я испытующе посматриваю на мальчика. Протягиваю ему джойстик. Затаив дыхание, Ваня ощупывает кнопки.

Из кухни доносится звон посуды. Пахнет ароматными тефтелями в сливочном соусе.

— Идем обедать? — приглашаю я.

— Пахнет вкусно, — соглашается Ваня и нехотя возвращает мне джойстик.

Потом он уминает за обе щеки тефтели с картофельным пюре, что приготовила мама. Соленые огурцы и свежий хлеб мгновенно улетают со стола.

Я стреляю взглядом в свою мать, но она почему-то прячет глаза в тарелку. И мне ее поведение совсем не нравится.

Придется допросить.

— Вань, а хочешь, я тебе мультфильмы включу? — закидываю удочку. — Ты какие любишь?

— Фиксиков люблю! Можно?

— Сейчас найдем Фиксиков, — обещаю я.

На самом деле у меня опыта в общении с детьми нет. Работа у меня такая – там детей редко когда увидишь. Но искусственный интеллект помогает найти нужный мультфильм, и я загружаю его на экран.

Когда Ваня устроен на диване и во все глаза отслеживает приключения Фиксиков, я отправляюсь на кухню.

Мать по-прежнему не смотрит мне в глаза. Возится с грязной посудой у мойки.

Я встаю рядом с ней.

— Ты знаешь, чей это ребенок? — пронзаю ее острым взглядом.

Она роняет тарелку из рук, и та падает в мойку.

— Знаю, — тяжело вздыхает.

Я не выдерживаю.

— Мам, скажи, зачем ты квартиру приобрела рядом с моей бывшей женой? И не говори, что это случайное совпадение. Я в такие совпадения в жизни не поверю.

Взгляды встречаются. Мама всхлипывает.

— А слезы к чему? — недоумеваю я.

Она хватает со стола салфетку и быстро промокает глаза.

— Я за женой твоей бывшей давно слежу. Я дачу намеренно продала, чтобы квартиру здесь купить, — признается честно. — Думала, просто в этом подъезде купить, а оказалось, на одном этаже свободная квартира есть. Договорилась с агентством недвижимости, они придержали квартиру, пока я дождалась полной выплаты за дачу.

— Для чего ты это сделала?! Неужели не понимаешь, как мне тяжело морально находиться рядом с Натальей?!

— Да ты на Ваню внимательно посмотри! — шепчет она сквозь слезы. — Он же твоя маленькая копия! Только глаза, как у матери. А все остальное – один в один! Твой это сын, Саша!

Я каменею.

Мама нащупывает стул. Садится за стол и плачет. Ругнувшись, я устремляюсь в гостиную.

Забравшись с ногами на диван, Ваня с увлечением смотрит мультфильм. В руках джойстик от приставки, который он жадно ощупывает.

— Ваня, — зову гостя.

Мальчик вздрагивает.

— Простите! Я не хотел ничего испортить, — смотрит на меня испуганно. Кладет джойстик на журнальный стол и виновато втягивает голову в плечи.

Я сажусь рядом с ним.

— Скажи, Ваня, сколько тебе лет? — не отреагировав на его действия, спрашиваю осторожно.

— Мне? Семь с половиной.

— А день рождения у тебя когда?

— Девятнадцатого ноября. А что?

Он с любопытством посматривает на меня, а у меня обрывается сердце.

Глава 16. Прокурор

«Неужели Наташа поступила со мной настолько подло?» — бьет в голову набатом. Хотя, о чем я? Это же Ната!

Я возвращаюсь в столовую. Хватаю со стола салфетку и иду обратно в гостиную.

Смотрю на нашего гостя, не мигая. Есть ли сходство? Определенно, есть. Я просто не придал значения. Брови мои, четкая линия губ, форма подбородка.

— Ванечка, а плюнь, пожалуйста, на салфетку, — прошу осторожно.

— Зачем? — удивляется мальчик.

— Так надо.

Он пожимает плечами. Берет у меня салфетку, а потом зависает.

— А я знаю, для чего вам это. Вы хотите сделать ДНК-тест? Я в кино видел.

Я фыркаю.

— Конечно же, нет! Но прокурор из тебя выйдет отличный, — подмигиваю ему.

Он хитро посматривает на меня.

— Если я плюну, вы мне подарите джойстик?

Шумно вздохнув, я подхожу к тумбе и достаю из ящика яркую упаковку, в которой лежит совершенно новый джойстик.

— Дарю. Можешь забрать его домой.

В зеленых глазах вспыхивает счастье, и мальчик быстро выполняет просьбу.

Образец у меня. Я возвращаюсь на кухню. Помещаю салфетку в пакет. Кажется, впервые за много лет у меня дрожат руки.

Я знаю, что это незаконно. Понимаю, что без согласия матери этого ребенка я не имею право на проведение ДНК-экспертизы. Но я должен быть уверен в том, что моя родная мать не сошла с ума.

Мой телефон вспыхивает сообщением.

«Спасибо за цветы. Через пятнадцать минут жду в холле».

Я узнаю номер и охаю. Через десять минут я должен быть возле телецентра – забрать Софью Грановскую и отвезти ее в ресторан. Но мне теперь не до развлечений.

Вздохнув, я набираю номер Васи Коломейцева.

— Слушаю, товарищ подполковник…ой, товарищ прокурор, — звенит бодростью голос на другом конце. — Простите, никак не могу привыкнуть, что вы больше не с нами.

Я усмехаюсь.

— Я сам не могу привыкнуть. Вася, у тебя костюм есть?

— Ну… есть один на все случаи жизни. Черный, классический. Еще бабочка к нему в комплекте имеется.

— Слушай сюда, Вася. Тебе переодеться в костюм и через пятнадцать минут забрать из телецентра Софью Грановскую. Успеешь? В ресторане заказан столик на мое имя, я предупрежу администратора, что ты будешь сегодня развлекать теледиву вместо меня.

— Да вы что, Александр Дмитриевич?! Она же будет вне себя от злости! Она же звезда, а я опер…

— А ты постарайся завоевать ее сердце, Вася! Чем ты хуже меня? У тебя язык хорошо подвешен. Если сможешь ее покорить, в подарок получишь номер в отеле.

— Не понимаю! Почему вы сами не хотите с ней поужинать?

— У меня появились неотложные дела. Ну, так что, выручишь?

— Выручу. Она же мечта.

— Вот и попытайся воплотить мечту в реальность. Координаты отеля скину, номер уже оплачен.

— Щедро, однако.

— Ты костюм надевай и двигай! Уедет же звезда. Она ждать не привыкла.

— Да я мигом!

Я жму на отбой. Злюсь на Нату. Обломала мне выходные. Вместо ужина в ресторане и ночи в отеле с красивой женщиной мне придется протирать штаны в частном медицинском центре в ожидании ответа на вопрос, кто является отцом Вани.

В холле раздается шум. Ваня бежит в прихожую.

— Мама пришла! — произносит оживленно.

— Стой, Ваня! — я успеваю схватить его за руку до того, как он дотягивается до замка.

Там не может быть никакой мамы. Она в гостях у Молчанова.

Я оттесняю его в сторону и смотрю в дверной глазок.

В холле стоит Левон Абрамян. Он в дорогом костюме и нервно теребит золотые часы на своем крепком запястье. Стреляет хищным взглядом голубых глаз по сторонам, а потом подходит к двери квартиры номер восемьсот пять.

Громкий стук в дверь заставляет меня затаить дыхание. В ответ – тишина.

— Наташа! Наташа, открой! Это Левон!

Постояв у двери пару мгновений и не получив ответа, Абрамян зло бьет кулаком по двери, а потом кивком головы указывает кому-то на дверь.

Со стороны, которая не поддается обзору, вырастают двое крепких мужчин. Один из них ловко орудует с замком в двери, и та бесшумно распахивается.

— Ваня, отойди от двери, — приказываю я.

— Зачем? — настораживается он.

Мама перехватывает у меня инициативу.

— Пойдем на кухню, Ванечка? Я чай сделала. У меня к чаю пряники есть и конфеты шоколадные, — улыбается мальчику, а сама со страхом смотрит на меня.

Я устремляюсь в гостиную. Достаю из серванта пистолет.

Набираю номер Молчанова.

— Максим, вы флешку извлекли?

— Какой там. Пока минеры ехали, рвануло так, что разнесло пол этажа в бизнес-центре. Хорошо, что никто не пострадал.

— Я тебе сейчас дам адрес, нужен наряд, срочно. Левон со своими дружками только что вскрыл дверь квартиры нашей чудесной зазнобы.

— А ты там как оказался? — недоумевает Молчанов.

— А я, Максим, ее сосед по лестничной клетке.

— Ничего себе, совпадение! Диктуй адрес. Пришлю тебе ребят.

Сжав в крепких пальцах оружие, я припадаю к глазку в двери. Сердце гулко колотится о ребра.

«Во что ты вляпалась, Ната?» — негодую мысленно.

Глава 17. Прокурор

Несколько секунд я наблюдаю за тем, как рослые фигуры головорезов, работающих на Левона, исчезают за дверью соседней квартиры.

Если бы не Ваня, я бы уже рвался в бой. Уложил бы всех троих на пол и сковал наручниками.

Но есть пара досадных обстоятельств, вынуждающих меня просто наблюдать за преступлением. Во-первых, я больше не оперативный сотрудник. У меня в доме нет наручников - у меня только пистолет. А во-вторых, на кухне сидит ребенок, который в любой момент может стать разменной монетой в преступной игре. Я не знаю, мой это сын, или нет, но, если с ним что-то случится, я никогда не смогу себя простить.

Я смотрю в глазок. Отчаянно пытаюсь увидеть преступников.

Прошло восемь лет, но в моем сердце ничего не изменилось. Как бы я не злился на Нату, отныне я готов отдать свою жизнь за ее безопасность. Только сейчас ошибка может стоить очень дорого – у Наты есть сын.

Я посматриваю на часы. Минута, другая, третья. «Где же твоя опергруппа, Молчанов?!» — взрывается яростью мозг.

Один из головорезов Левона ощупывает дверной проем.

Что-то сжимается у меня внутри – мне хорошо известен этот метод. Сейчас он заложит под порог взрывчатку. При открытии двери разнесет стену, которая соединяет наши квартиры. Еще и холл зацепит.

— Мама, — зову негромко.

Моя мать с тревогой выглядывает из столовой.

— Что происходит, Саша?

— Я сейчас выйду, а ты запри дверь изнутри и уведи Ваню в самую дальнюю часть гостиной. И не открывай дверь, что бы ни случилось, поняла? А главное - никому не отдавай Ваню.

Она опаляет меня встревоженным взглядом.

— Саша, я тебя не пущу, — произносит напряженно. — Ты больше не оперативник! Тебе не надо лезть в пекло.

— Все будет хорошо. Просто запрись! — цежу с яростью.

Тихо отпираю дверь. Выскальзываю в холл. С удовлетворением улавливаю, как едва слышно щелкает замок с обратной стороны. Знаю, мама будет смотреть в глазок. Отведет Ваню подальше, а сама будет следить за происходящим, что бы ни случилось. Но меня сейчас волнует не это. Меня волнует взрывчатка, которую в считанные мгновения идеально уложили под порогом квартиры восемьсот пять.

Мой пистолет заряжен. Палец уверенно придерживает курок.

Я двигаюсь почти бесшумно. Из квартиры выходит Левон, и тут же оказывается в моей стальной хватке.

— Не двигайся, ублюдок, или я прострелю тебе голову, — рычу рядом с его ухом, упирая пистолетом ему в висок.

Левон замирает, а потом медленно поднимает руки вверх.

Воздух внезапно становится густым и тяжелым. Дикое напряжение дает о себе знать.

Телохранители больше не двигаются. Они смотрят на меня немигающими взглядами, в которых осталось мало человеческого. Они оценивают риски для хозяина и просчитывают дальнейшие действия.

Не простая у Левона охрана. Я таких видел. Это наемники. Настоящие профессионалы. Они воюют в зонах военных конфликтов. Каждое их движение отточено до блеска. Их услуги

стоят дорого. Они убивают также легко, как дышат. Один из таких профи восемь лет назад убил прокурора Седова. Я выжил случайно.

А сейчас прокурор я. И от моих действий зависит безопасность тех, кто рядом со мной.

— Разбирайте! — приказываю охранникам.

Они выразительно смотрят на Левона. Мне не видно его лица, но я прижимаю дуло пистолета к его виску еще жестче. Там, за моей спиной самые близкие люди – мама и Ваня. Я не могу их подвести.

— Убирайте взрывчатку, ублюдки! Или я уложу всех троих, не глядя. Я тоже умею убивать.

Один из телохранителей делает шаг к двери. Начинает разбирать свой привет для семьи Наты.

Едва уловимый шорох где-то внизу на лестничной клетке намекает, что опергруппа поднимается по лестнице. Она приблизительно между шестым и седьмым этажом.

Мы втроем не двигаемся. Не мигая, смотрим друг на друга. Четвертый разбирает порог.

Любое неверное движение может привести к катастрофе.

Внезапно оживает лифт. Он останавливается на нашем этаже. У меня вспыхивает надежда, что опергруппа решила разделиться.

Но надежда меркнет, когда звонкий лай пушистого недоразумения, которое женщины за сорок заводят для развлечения, разрывает тишину на лестничной клетке.

Глупый пушистый шарик цвета молочного шоколада с лаем несется прямо на дверь квартиры восемьсот пять.

— Шильдик! Стоять, Шильдик! — слышу истеричный вопль бывшей тещи. Но поздно.

Левон рвется вперед, его охрана бросает взрывчатку в квартиру. Дверь резко хлопает, а я, плюнув на преступников, толкаю Варвару на пол, в самый дальний угол и инстинктивно накрываю ее собой. Грохот взрывающейся двери оглушает.

Уши закладывает. Я почти ничего не слышу.

Варвара смотрит на меня обезумевшим взглядом.

— Са… Са… Саша? — бормочет, заикаясь.

Я сажусь на полу. Трясу головой, чтобы хоть как-то унять звон в ушах. Подмечаю, что идиотский шарик на ножках выжил, и теперь отчаянно лижет хозяйку в лицо.

И вдруг в глазах темнеет от страха.

— Ваня! — выдыхаю дрожащим голосом. Пытаюсь подняться. Покачнувшись, бросаюсь к двери своей квартиры.

Глава 18. Прокурор

У меня в столовой за большим круглым столом тесно. Варвара пытается восстановить дыхание. Моя мама капает ей успокаивающие капли в воду.

Часть стены в прихожей снесло. Теперь у нас с Натой фактически одна жилплощадь на двоих.

— У нас же ретрит… мы на выходные уехать должны. Мы наняли автобус, он отъезжает в восемь вечера, — дрожа всем телом, сбивчиво рассказывает моя бывшая теща.

Я фыркаю. «Ретрит». Название-то какое! Что они там делают? Йогой занимаются? Или медитациями?

Ванька тискает шарик на ножках и зовет его Шильдиком. Вот кому все ни по чем! Хотя, чему я удивляюсь? Когда я был мальчишкой, мне тоже взрыв в квартире казался чем-то вроде вечеринки.

— Саша! — Варвара вдруг хватает меня за руку. — Это что же, если бы тебя не оказалось рядом, то мы бы открыли квартиру и… и все?

Я угрюмо киваю. Она прикрывает рот ладонью. Всхлипывает.

— Значит, так. На ретрит поедем все вместе, — предлагаю я. — На базе есть свободные номера?

— Есть, конечно, есть… — она отчаянно кивает. — Боже… это же… и Ната, и Ванечка, и Нина… Все могли пострадать! И все из-за проклятого Левона?!

Я вздыхаю. Молчу, но мое безмолвие сейчас знак согласия.

— Саш, я сейчас позвоню Ниночке. Расскажу, что случилось. Нам бы вещи из квартиры забрать. Это можно организовать? — продолжает говорить моя бывшая теща.

— Можно. Пусть автобус едет без вас. Мы отправимся на базу на машине после того, как разберемся с повреждениями на этаже и в квартире.

Я смотрю на маму.

— Мам, ты тоже поедешь. Собирайся.

— Саш, ты что? А ремонт, как же? — недоумевает она.

— Отложим ремонт. Дай прорабу на выходные отбой. Да и полезно тебе будет проветриться. Свежий воздух, озеро. Подышишь с бывшей свахой.

Перевожу взгляд на Варвару.

— Скидка для мамы будет?

Но Варе не до шуток.

— Какая скидка, Саша?! Бесплатно все, — она всхлипывает, но в следующий миг берет себя в руки. И вдруг хватается за сердце. — Стоп. А Ната где?

— С Натой все в порядке. Заберем по дороге, — отмахиваюсь я.

Забрав телефон, выхожу в прихожую.

Служба спасения уже прибыла. Минеры и пожарные обследуют помещение. Сотрудники газовой службы ищут повреждения в трубах.

Перешагнув через обломки, я захожу прямиком в квартиру 805.

Вокруг хаос. В гостиной что-то искали. Интересно, что здесь понадобилось Левону? Не поверил Нате?

Как теперь это выяснить, если кресло сгорело вместе с остальной мебелью?

«А может, не сгорело?» — мелькает надежда. Надо уточнить у Молчанова.

Я включаю мобильник. Морщусь - Вася Коломейцев прислал мне селфи с Грановской.

Уплыла моя надежда начать новую жизнь. Хотел выходные покувыркаться с красоткой в отеле, а теперь буду кувыркаться на ретрите с бывшей женой, тещей и вечно гавкающим шариком на ножках. Интересно, что делают бабы на ретритах?

Набираю номер Молчанова.

— Ну, ты красава, Сань! — щедро прихлебывая чай, заливается соловьем Максим. — Только в следующий раз не надо грудью на амбразуру без спецкостюма, ладно? А то так и без головы остаться можно.

— Макс, что с креслом? Не удалось его достать из пожара?

— Пожарные еще никого не пускают. Горит так, что искры летят. Уже несколько часов потушить не могут.

— Ладно. Слушай, Наталью никуда не отпускай. Никаких «под залог», ясно? Я сам ее заберу.

— Понял. Дам сейчас ребятам приказ не отпускать. Если честно, здесь все очень хотят от нее поскорее избавиться. Она мозг всем вынесла своим ретритом! Говорит, они там маткой дышать будут.

— Чем будут дышать? — переспрашиваю я.

— Чем слышал! — Он смеется. — Но я впервые в жизни внимаю, что матке есть, чем дышать. Придумают же ерунду! Хотя, я анатомию в школе не очень хорошо учил. Может, пропустил что?

— Пропустил, как же, — фыркаю я.

Через полтора часа квартира восемьсот пять полностью проверена.

Варвара напугана не на шутку. Она быстро забирает вещи для Вани. Ее собственный чемодан уехал в автобусе вместе с участниками ретрита.

Моя мама все еще сомневается.

— Саш, может, я просто домой поеду, а? Ну, что мне делать на этом ретрите? Я к психологии скептично отношусь, ты же знаешь.

Я хмурюсь.

— Мам, ты едешь. Я не оставлю тебя в городе, ясно? — отметаю ее сомнения. — Переждем у озера, пока оперативники будут разбираться со взрывом.

Ободряюще обнимаю ее за плечи. Она примирительно вздыхает.

Я посматриваю на часы. Конечно, сейчас мне лучше остаться в городе и заняться восстановлением жилплощади. Но я думаю о Нате. Пальцы против воли сжимаются в кулак. Ремонт подождет. А эту чертовку я планирую допросить с особым пристрастием.

Глава 19. Прокурор

Когда мы выходим из подъезда, до отъезда автобуса остается совсем немного времени.

Варвара звонит своей дочери Нине. Просит задержать рейс.

Я посматриваю на наручные часы.

— Если поторопимся, то успеем забрать Наталью.

Открываю заднюю дверь своего внедорожника. Ваня забирается на заднее сиденье первым. Моя бывшая теща отдает ему собаку и устраивается рядом с ним.

Мама садится вперед.

— Все пристегнуты? — я строго посматриваю на своих пассажиров в зеркало заднего вида.

Варвара спохватывается. Пристегивает Ваню.

На мгновение мой взор задерживается на мальчике.

Варвара тушуется. Я впиваюсь в нее колючим взглядом.

— Кто его отец? — уточняю жестко.

Она отводит глаза.

— Я не знаю. Ната мне никогда о нем не говорила.

Я колко усмехаюсь.

— Что ж, значит, спросим у Наты.

Дергаю ручник, и ма

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.